Подається російською мовою

Пьеса-романс

Перевод Ю. Архипова

Действующие лица

ЭЛЬВИРА женщина 35 лет.

ВИОЛА ее дочь.

БАРОН ее муж.

ПЕЛЕГРИН бродячий певец.

ХОЗЯЙКА ТРАКТИРА.

ДОКТОР.

СЛУГА.

ПИСАРЬ.

КОНЮХ.

НЕГР.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

ПЕДРО закованный поэт.

КРЕСТЬЯНЕ-АРЕНДАТОРЫ.

МАТРОСЫ.

МОГИЛЬЩИКИ.

МУЖЧИНА, МАЛАЕЦ, ЗЕВАКИ, ФИГУРЫ.

Действие пьесы продолжается семь дней и семнадцать лет.

ПРОЛОГ

В трактире.

По одну сторону сидят крестьяне — молчаливо и скучно играют в карты. По другую, ближе к переднему плану, — доктор и Пелерин, который, сидя на столе, бренчит на гитаре и вполголоса напевает.

Пелерин. Явайская песня… ее всегда пели матросы, эти загорелые дьяволы с глазами кошек, когда мы валялись на палубе и не могли заснуть от жары! Семь недель мы плыли вдоль Африки, бочки адски воняли, а над морем, словно фонарь, подвешенный к мачте, висел серебряный гонг — полумесяц… И вот в такие ночи они ее пели, в те безветренные ночи… (Снова поет.)

Доктор. Жозефина!

Входит мужчина, отряхивая пальто от снега.

Мужчина. Ну и снег идет!.. Доктор, а там на кладбище опять кого-то хоронят. Пришли с пением, с ладаном, гроб впереди, все как полагается, и вот вам крест! — не могут найти могилу, такой снег идет. (Садится.) Мне вишневую.

Доктор. И нам, Жозефина, еще бутылочку!

Пелегрин. Она любила меня…

Доктор. Кто?

Пелегрин. Возможно, я повел себя как подлец тогда, семнадцать лет назад, и все-таки, милый доктор, поверьте, как верят в чудо — безрассудно, вопреки всему: она любила меня!

Доктор. Кто?

Пелегрин. У меня не было другой возможности снова увидеть ее, нужна была посудина — любая, какая найдется, и мы захватили первую попавшуюся, где-то около Марокко. Бедные французы! Они были пьяны вдребезги, и мы побросали их за борт, всю команду: буль, буль, буль! Мы замазали герб, распустили паруса… и тринадцать недель я мчался к ней.

Доктор. К кому?

Пелегрин. Меня смех разбирает, как вспомню ее отца. "Моя дочь, говорит, сокровище, вы недостойны даже взглянуть на нее, бродяги!" "А где она?" спрашиваю. "Не твое дело, — рычит он, — она помолвлена".

Доктор. Помолвлена?

Пелегрин. С одним аристократом, бароном!

Доктор. Да-а?

Пелегрин. Да-а… В ту же ночь на моем корабле, в моей каюте она лежала в моих объятиях.

Доктор. Кто?

Пелегрин. Эльвира. Чудесная девушка.

Доктор. Эльвира? Наша баронесса? Госпожа из замка?

Пелегрин. Тсс, тихо!

Хозяйка приносит еще одну бутылку.

Хозяйка. Господа, эта бутылка у меня последняя.

Доктор. Нашего друга замучила жажда.

Хозяйка. Вижу.

Доктор. Наш друг, должен вам сказать, объездил весь свет, он видел больше, чем может присниться всем Жозефинам…

Хозяйка. Откуда вам знать, что мне может присниться?

Доктор. Он скитался по свету, пока не схватил лихорадку.

Хозяйка. Лихорадку?

Доктор. Вы только представьте: целый год ему нельзя было пить. А сегодня мы празднуем его выздоровление.

Хозяйка. Поздравляю… (Наполняет стаканы.) Если вы и вправду выздоровели.

Пелегрин. Еще бы не вправду!

Хозяйка. Будем надеяться, что так, господин. Обычно он такой болтун, наш доктор, жалеет людей и поэтому лжет им.

Пелегрин. Не сомневайтесь, мадам, на сей раз он ни капельки не солгал.

Хозяйка. Почему вы так уверены?

Пелегрин. Почему! Да потому, что это не его диагноз, я сам ему сказал, что здоров.

Хозяйка. Ну, тогда…

Пелегрин. Здоровее, чем когда-либо.

Хозяйка. Дай бог. (Присаживается.) А то всяко бывало, знаете ли. Тут вот и пьют и веселятся иной раз, празднуют выздоровление, а потом, глядишь, везут его через месяц на кладбище, выздоровевшего-то… Ну да что там, я ведь это так просто, вы не подумайте… И все это из одной любви к людям, понимаете; повозится он со своими больными, а там и пожалеет их, добрая душа: отчего же, говорит, не повеселиться напоследок?

Пелегрин. Не сомневайтесь, мадам…

Хозяйка. Знаю уж, знаю!

Пелегрин. Через месяц, говорите?

Хозяйка. Ой, да вы не подумайте чего, Христа ради!..

Пелегрин (смеется). Через месяц, мадам, я буду уже далеко в море! (Пьет.) В самом деле, доктор, на Кубе меня дожидается одна ферма,

всеми забытая, опустевшая, выгоревшая ферма, я буду выращивать на ней фрукты: ананасы, персики, сливы, инжир, виноград! Корабль отходит через месяц. А через год, клянусь, я пришлю вам свой собственный кофе!

Хозяйка. Кофе?

Пелегрин. Все те недели, пока меня трепала лихорадка и я валялся больной и жалкий, я чувствовал себя, как в пожизненном заключении, и все добряки, приходившие меня утешать, понимали, что лгут, говоря, что я еще встану на ноги и отправлюсь куда захочу… Теперь уж все позади, а тогда, в те дни, я думал только об одном: выпить бы еще бутылку вина, выбраться бы еще раз к живым людям!..

Доктор. Да, вы часто говорили об этом.

Пелегрин. И вот…

Доктор. Бутылка еще не пуста…

Пелегрин. Вы только посмотрите на этих людей!

Доктор. Я вижу их.

Пелегрин. Почему они не живут?

Доктор. Что вы хотите этим сказать?

Пелегрин. Жизнь коротка. Они не знают этого? Почему они не поют? Почему не живут?..

Шум среди крестьян.

Первый. Поцелуй меня в задницу, понял?!

Второй. Завтра я пригоню быков…

Первый. Да не буду я их кормить, еще на ярмарке тебе сказал — не буду! Пригони их сам дьявол — не буду, и крышка!..

Третий. Весной, как начнем пахать, ты и сам им не нарадуешься.

Первый. Весной!

Третий. Барон хотел сделать, как лучше…

Первый. Хотел! Каждый не дурак покупать быков, коли есть деньги. А чтоб арендатор их кормил! Увижу барона, скажу ему прямо в лицо: хотеть и делать не одно и то же, ваша милость!

Третий. Ты нам все только испортишь…

Первый. По козырю…

Продолжают играть молча, но с силой ударяя картами по столу.

Пелегрин. Что это за люди?

Хозяйка. Арендаторы.

Доктор. Связаны с замком.

Пелегрин. С замком?

Доктор. Как лошадь с повозкой.

Хозяйка. Целый месяц уж спорят из-за быков, которых им купил барон. Скоро до того дойдет, что самих быков будут спрашивать, как с ними поступить…

Пелегрин. Барон, вы говорите?

Хозяйка. Наш барон! — как здесь все говорят. Наш замок! А никто из нас в замке еще и не был, ни разу за всю свою жизнь.

Пелегрин. Почему же?

Хозяйка. Никого не пускают. Разве что арендаторов по праздникам, когда те являются со своими подношениями.

Пелегрин. Почему же туда никого не пускают?

Хозяйка. Почему? А вот подите и спросите у них, коли хотите знать. Попробуйте, попробуйте, представляю себе, как барон вам обрадуется!

Пелегрин. А почему бы и нет?

Хозяйка. Он — человек порядка, не то что какой-нибудь бродячий певец…

Пелегрин. Как он, собственно, выглядит?

Хозяйка. Барон?

Пелегрин. Похож на орла с трубкой, а?

Доктор. В точности!

Хозяйка. Похож…

Пелегрин. А дети у него есть?

Доктор. Дочка.

Пелегрин. Ах, дочка…

Доктор. Вас это удивляет?

Хозяйка. Поговаривают, если угодно знать, что эта благородная детка на отца ни капельки не похожа… Я говорю только, что все кругом говорят, а по мне, баронесса тоже женщина и когда-то ведь была молодой, как вы думаете?

Пелегрин. А теперь она немолода?

Хозяйка. И ведь как спрашивает, будто ему обидно! Она тоже, должна вам сказать, немало по свету поездила…

Пелегрин. Если позволите, еще один вопрос.

Хозяйка. Какой?

Пелегрин. Как ее зовут?

Хозяйка. Кого?

Пелегрин. Мать, баронессу, госпожу, супругу, живущую в замке.

Хозяйка. А зачем вам это знать?

Пелегрин. Эльвира?

Хозяйка. О, да вы, как видно, в курсе дела!

Пелегрин. Что вы, просто угадал. (Ударяет по струнам.)

Среди женских имен

Лишь одним покорен…

Слышны приближающиеся шаги.

Хозяйка. Господи, кого же там еще несет? (Выходит.)

Доктор. Вас, кажется, что-то задело, мой друг?

Пелегрин. Я пойду в замок.

Доктор. Вы? Вы это серьезно?

Пелегрин. Я пойду в замок.

Доктор. И думаете, вас примут?

Пелегрин. Еще раз выбраться к живым людям… А, вы имеете в виду это ботинки, куртка? Она любила меня. Таким, как я есть. Почему бы нам не увидеться снова?.. Большего я не хочу… Только один раз, совсем недолго, мы побудем вдвоем, Эльвира и я. Я зажгу свечи. Я не стану ее целовать. Прошлое неприкосновенно. Не нужно ничего повторять. Я вижу — она жива. И мне довольно. А на следующий день я уеду.

Доктор. Именно так все и будет, именно так!

Пелегрин. Потом будь что будет, доктор, но это жизнь, еще раз жизнь…

Входят могильщики, ставят к стене лопаты.

Мужчина. Ну, господа могильщики, нашли вы ее наконец?

Длинный. А что мы должны были найти?

Мужчина. Могилу.

Коротыш. Мда, черт бы ее побрал, вырыли на целую сажень, могила получилась — прямо загляденье, лучше не бывает, уж мне-то можете поверить я, почитай, их штук семьдесят накопал с тех пор, как…

Длинный. А как они ее нашли?

Коротыш. Поп нашел.

Мужчина. Как?

Длинный. А очень просто, дорогой, очень просто…

Коротыш. Идет, книжечку свою в руках держит, ступил ногой в снег — и кувырк! вместе со всеми своими причиндалами Длинный. Эй, шнапсу, да покрепче…

Крестьяне, слышавшие историю, пересказывают ее другим.

Первый. Кто?

Второй. Поп!

Крестьяне смеются.

Хозяйка. Эй, да куда же это он? Эй, с гитарой, куда ты? (Бежит за уходящим Пелегрином.)

Длинный. Честно говоря, доктор, от вашего врачевания работы у нас не убавляется. Работа — доход, и доход честный. Иной раз полдня торчишь на морозе. А людям ведь все равно умирать, вот и приходили бы сюда за этим самым, ведь мы тем и живем, я говорю…

Возвращается хозяйка.

Хозяйка. Ну каков подлец! Так вот и убежал — с моей гитарой! Вам хорошо смеяться, гитара-то моя, не ваша!

Доктор. Да я вовсе не смеюсь.

Хозяйка. Так и убежал…

Доктор. Не беспокойтесь, Жозефина! Вернут вам вашу гитару.

Хозяйка. Да вы только так говорите.

Доктор. Ручаюсь вам.

Хозяйка. Но когда? Когда?

Доктор. Очень скоро.

Хозяйка. Каким же образом, хотела бы я знать?

Доктор. Он ее далеко не унесет, вашу гитару, не дальше, чем…

Хозяйка (замечает что-то на столе). А это что такое? А?

Доктор. Его плата — коралл.

Хозяйка. Коралл?

Длинный. Настоящий коралл?

Коротыш. Никогда еще не видел коралла.

Могильщики подходят ближе.

Ты когда-нибудь видел коралл?

Рассматривают коралл.

Доктор. Он хочет спеть серенаду в замке, понимаете?

Хозяйка. И он думает, его туда пустят?

Доктор. Да, он так думает.

Хозяйка. С моей-то гитарой! Да если он доберется хотя бы до челяди и его пустят на кухню, то и это уж будет немало!

Слышен мотив явайской песни.

Доктор. Слышите? Вот так у него на душе, в книгах это называют эвфорией. Чудесное состояние, ему теперь все нипочем, он полон музыки, жизни — в нем ее больше, чем во всех нас, вместе взятых…

Хозяйка. И этот тоже?

Доктор. И этот.

Хозяйка. Через месяц?

Доктор. Через неделю.

Хозяйка крестится.

Длинный. Откуда они только не приходят, а мы тем и живем, я говорю…

Хозяйка. Через неделю?

Доктор. Я ему почти завидую.

Хозяйка. Что он будет жить всего неделю?

Доктор. Нет, что он неделю будет — жить.

АКТ ПЕРВЫЙ

В замке.

Барон стоя набивает трубку. На столе, за которым сидит писарь, горят свечи. В выжидательной позе стоит конюх.

Барон. Вот и все, Курт, что я хотел тебе сказать. Дело совершенно ясное, не будем о нем больше говорить… Вон там твое жалованье.

Конюх. Ваша милость хотят-таки уволить меня?

Барон. Порядок прежде всего. (Зажигает трубку.) Порядок прежде всего. Восемь лет ты присматривал за моими лошадьми…

Конюх. Восемь с половиной.

Барон. И, как теперь выяснилось, каждый день, наполняя этот кисет, ты крал у меня горсть табаку — каждый день в течение восьми с половиной лет.

Конюх. Я очень сожалею об этом, ваша милость.

Барон. Я тоже, Курт.

Конюх. Я знаю, что не должен был этого делать. Хотя то была не горсть, как говорит ваша милость, а щепотка, всего одна щепотка — это ведь разница, ваша милость. Восемь с половиной лет — это, конечно, не пустяки, но…

Барон. Ты мне нравился. Ты был веселым парнем. Восемь лет ты распевал песни — в моем доме это удается не всякому. Постепенно здесь отвыкают петь. Все думают, раз я сам не пою, то и вообще терпеть этого не могу… Лошади у тебя всегда были в порядке, лучшего слуги я и желать не мог.

Конюх. Ваша милость часто так говорили.

Барон. Мне жаль увольнять тебя.

Конюх. А если я верну табак? Можно бы подсчитать, сколько это составит — восемь с половиной лет, каждый день по щепотке, я бы вернул тем же самым сортом!

Барон. Не в табаке дело, молодой человек.

Конюх. Зачем же меня увольнять, ваша милость, если дело не в табаке?

Барон. Порядок прежде всего. (Тем же тоном, что вначале.) Вон там твои деньги. Ночь можешь провести еще в доме, но завтра, повторяю, я не хотел бы тебя здесь встретить.

Конюх берет деньги и уходит.

Жаль, конечно. Но прости я его, так он подумает, я делаю это лишь потому, что не хочу искать нового конюха, и разве он будет не прав? Для меня и в самом деле так было бы удобнее, но ему это не пошло бы на пользу — он стал бы дерзок. Ему нужен господин, которого он будет уважать, сам себе он не может быть господином. (Писарю.) На чем мы остановились?

Писарь. "В-третьих, что касается двух быков, которых я купил, чтобы вы могли пахать на них весной и которых теперь, зимой, никто не хочет кормить..."

Барон. Советую вам собрать всю свою волю и разум, чтобы употребить их с пользой для дела. Я со своей стороны сделаю то же, чтобы не ухудшать наших отношений. Послезавтра будет праздник, мы поговорим обо всем этом, когда вы придете в замок.

Писарь записывает.

Вот и все как будто. Или добавь еще: что до тревог и волнений по поводу ящура…

Писарь. "По поводу ящура..."

Барон...то если вы будете продолжать поить скотину шнапсом и ждать от этого бог весть какого чуда, знайте, что шнапс ваш потерян даром! Чистите животных щеткой, как я распорядился, а шнапс лучше лакайте сами, только сначала чистите их щеткой. (Собирается уходить.) На сегодня все.

Писарь. А дневник?

Барон. Нет уж, уволь!

Писарь. За целую неделю ни одной записи, ваша милость.

Барон (садясь). Что может произойти у нас за неделю? Дни стали короче, забот навалило, как снега, ни выехать, ни поохотиться на зайцев. В воскресенье был очередной день рождения моей милой супруги. Ели утку, это было чудесно… Еще — уволил конюха… Еще — порядок прежде всего.

Писарь. "Порядок прежде всего".

Барон. Э, да ты записываешь?!

Писарь. "Что случилось с бароном за неделю".

Барон. Замолчи!

Писарь. Я думал, вы всерьез говорите.

Барон. Впрочем, оставь. Но никому не читай этого, даже мне… И поторопись, тебя ждет свободный вечер… Время уже позднее.

Писарь собирает бумаги, кланяется и уходит.

Мне видится страшный суд: подле господа, произнесшего мое имя, стоит этот шалопай-писарь, звучат трубы, он читает: "Порядок прежде всего, порядок прежде всего…" Его слушают все ангелы, и я с челом, с которого еще не сошла смертельная бледность…

Входит слуга.

В чем дело?

Слуга. Я помешал вашей милости?

Барон. А, дрова принес, правильно сделал.

Слуга. Я подумал, раз на улице идет снег…

Барон. Да, он идет уже семь дней.

Слуга. И семь ночей. (Стоит с дровами на руках.) Семь дней и ночей все идет снег. А от снега растет тишина, все выше и выше. Снег падает на лес, на дороги, на каждый камень, и каждую ветку, и каждый столб. Одна только тишина да снег, вот уже семь дней и ночей. Куда ни посмотришь — везде снег. Даже на сосульках. Он и ручей запорошил, и все смолкло… (Задумчиво смотрит перед собой.) Ваша милость…

Барон. Да?

Слуга. Нашего колодца во дворе уже не видно…

Барон. Ты боишься?

Слуга. Боюсь? (Наклоняется и разводит огонь в камине.) Там внизу, на кухне, — мы все там сидим, на кухне, с последнего воскресенья никто не уходит в свою комнату — все говорят, что в комнатах холод и снег, он проникает сквозь кирпичи. Вот мы все и ютимся на кухне; ребятишки спят в корзинах для овощей, а мы болтаем до глубокой ночи. Йозеф говорит, никогда еще не было, чтобы снег шел так долго. Семь дней и ночей беспрерывно, ведь это что-нибудь да значит. Все так говорят, только этот новенький сидит на столе со своей гитарой и все посмеивается над нами… (Поворачивается.) Странный он человек, ваша милость!

Барон. Кто?

Слуга. Да пришелец этот. Сидит на столе со своей гитарой и рассказывает всякие истории о племенах, которые ходят голые, отродясь не видели снега и не знают ни страха, ни забот, ни долгов, ни зубной боли. Говорит, есть такие. И еще есть горы, которые плюют в

небо серой и дымом и раскаленными камнями, он сам это видел. А еще есть рыбы, которые могут летать по воздуху, коли у них есть охота; а еще, говорит, солнце, если смотреть на него со дна моря сквозь воду, кажется блестящими осколками зеленого стекла… У него в кармане есть коралл, ваша милость, мы сами видели.

Барон. Что за пришелец? Откуда он взялся?

Слуга. Отовсюду, так сказать. Сейчас рассказывал о Марокко, о Санта Крусе…

Барон. О Санта Крусе? (Встает.)

Слуга. Да. Он пришел в замок дней шесть назад. Мы его приняли за пьяного, он даже не мог толком сказать, чего ему здесь нужно. Уложили его на солому. А на другой день пошел снег… Как вы думаете, ваша милость, он когда-нибудь кончится?

Барон (подходит к глобусу). Когда-нибудь все кончится, Килиан.

Слуга. Все?

Барон. Даже заботы, долги, зубная боль, ящур, быки — все. Одевание, раздевание, еда, колодец во дворе. Когда-нибудь все это засыплет снегом. Акрополь, Библию… Наступит тишина, как будто ничего этого и не было.

Слуга. Огонь разгорелся. Позвольте мне уйти на кухню, ваша милость.

Входит Эльвира.

Эльвира. Здесь теплее… Да, чтобы не забыть, Килиан, ужинать мы будем здесь.

Слуга. Как прикажете, ваша милость. (Уходит.)

Супруги остаются одни. Она, грея руки, сидит на корточках у камина; он все еще стоит около глобуса.

Эльвира. Здесь теплее. А там вода замерзает в вазах.

Барон. Санта Крус…

Эльвира. О чем это ты?

Барон. О Санта Крусе… Ты помнишь Санта Крус?

Эльвира. Почему я должна о нем помнить?

Барон. В этом слове — незнакомые улицы и лазоревое небо, агавы и пальмы, мечети, мачты, море… Оно пахнет рыбой и тиной. Как сейчас, вижу белый как мел порт, будто все это было только вчера. И слышу голос того парня, как он сказал тогда в грязном кабачке: "Мы идем на Гавайи. Видите тот корабль с красным вымпелом? (Смеется.) Через пятнадцать минут мы уходим на Гавайские острова!"

Эльвира. Ты все еще жалеешь, что не поехал с ними? Что остался со мной?

Барон. Я часто вспоминаю о том парне.

Эльвира. Ты мне не ответил.

Барон. Добрался ли он до Гавайи? Я часто кручу этот шарик. Флорида, Куба, Ява… Может быть, теперь он на Яве.

Эльвира. Или погиб.

Барон. Нет, только не это.

Эльвира. От какой-нибудь эпидемии.

Барон. Нет-нет.

Эльвира. Или на войне. Или во время шторма на море, милостиво поглотившем его.

Барон. Нет и еще раз нет.

Эльвира. Почему ты так уверен?

Барон. Он жив, пока я живу.

Эльвира (с удивлением смотрит на него). Почему ты так думаешь?

Барон. Пока я живу, моя тоска с ним, он сделал из нее парус, несущий его по морям, а я вот сижу и даже не знаю, где он там с моей тоской. Пока я здесь работаю, он видит берега, порты, города, о которых я даже не слышал.

Эльвира. Ну и пусть себе видит!

Барон. Пусть…

Короткое молчание.

Эльвира. Послезавтра праздник. Ты подумал о том, как встретить людей? Может, дадим им горячего супа, а? Как ты считаешь?

Барон (не слушая). Иногда… Знаешь, чего я иногда хочу?

Эльвира. Отправиться на Гавайские острова.

Барон. Я хочу увидеть его еще раз, этого парня, который живет моей второй жизнью. И только. Хочу знать, как он жил все это время. Хочу услышать, чего я лишился. Хочу знать, какой могла быть моя жизнь. И только.

Эльвира. Что за химера!

Барон. Это не химера, а живая плоть, которая питается моими силами, тратит их, живет моей тоской, иначе разве я был бы таким усталым и постаревшим.

Эльвира. Разве ты такой?

Барон. Я слишком часто бываю таким.

Эльвира (шутя). Может, тот парень и есть бродячий певец, что сидит у нас внизу, на кухне, и развлекает дворню кораллами и гитарой? Горничная мне все уши прожужжала о нем. Может, это он?

Барон. Возможно.

Эльвира. Ну, с меня довольно! (Встает.) Хватит с меня горничной. Та только и говорит, что о рыбах, умеющих летать.

Короткое молчание.

Барон. Когда я вечерами сижу подле тебя и, допустим, читаю, — чего я, собственно, ищу в книге, как не его, живущего моей подлинной жизнью? И я бы теперь жил точно так же, поднимись я тогда на чужой корабль и выбери море, а не сушу, предпочти я неизвестность покою. Я ищу его, не могу не думать о нем, даже когда я радуюсь нашему счастью… нашему ребенку, земле. Когда я летом скачу на рассвете по полям или когда вечером над нашей рожью собирается гроза, господи, я знаю, что счастлив!

Эльвира. Я тоже так думала.

Барон. И все-таки я не верю, что это — единственно возможная для меня жизнь. Понимаешь?

Эльвира. Что ты имеешь в виду?

Барон. Когда-то я не знал этих сомнений — когда все еще было впереди, когда ничего еще не свершилось, не было всех этих будней.

Эльвира. Ты больше не веришь в бога.

Барон. Почему?

Эльвира. Мне так кажется. Отец писал мне как-то в письме: не бойся случайностей. Ты можешь выйти замуж за пирата или барона, и жизнь твоя может сложиться по-всякому, но ты всегда останешься Эльвирой… Я была смущена тогда, и в то же время это меня успокоило. Первой же случайностью, как ты помнишь, оказался барон, и я сказала "да"… Это было на Санта Крусе.

Барон. Семнадцать лет назад… (Встает.) Мне, должно быть, пора переодеваться. Ужин подадут сюда, ты сказала?

Входит слуга, накрывает на стол.

Эльвира. Килиан…

Слуга. Ваша милость?

Эльвира. Принеси еще третий прибор.

Барон. Ты кого-нибудь ждешь?

Эльвира. И скажи тому бродяге, который сидит на кухне, что мы ждем его к ужину.

Слуга. Бродягу?

Эльвира. Мы приглашаем его.

Слуга. Как прикажете, ваша милость. (Уходит.)

Барон. Что это значит?

Эльвира. Разве ты не сказал, что хочешь увидеть его?

Барон. Ты с ума сошла!

Эльвира. Я надеялась доставить тебе удовольствие. Познакомимся наконец с твоей второй жизнью, как ты это называешь. Будет интересный ужин. (Садится за клавикорды.) В самом деле, дорогой мой супруг, что бы ты почувствовал, если б я, как и ты, стала предаваться воспоминаниям? Если б и я стала говорить о другой Эльвире, которая ведет мою вторую жизнь, может быть, более подлинную, где-нибудь далеко отсюда…

Барон. Говорят, женщины легче забывают.

Эльвира. Говорят. Но я не забыла. Его звали Пелегрином.

Короткое молчание.

Но женщина, видишь ли, не играет ни любовью, ни браком, ни верностью, ни человеком, за которым она пошла.

Барон. Разве я играю?

Эльвира. Что было то было; у того нет прав на настоящее, тому нет места в моих мыслях! Если женщина говорит: "Да, я иду с тобой", она так и поступает. А все остальное приносит в жертву, не думая ни о чем другом и ни в чем не раскаиваясь. Так и я — потому что я люблю тебя. И хочу, чтобы и мужчина, который для меня все, также и во мне находил все.

Барон. Я верю тебе, Эльвира. Я понимаю тебя. (Целует ее.) И завидую такой верности. Видит бог, я способен на нее на деле, но не в мыслях.

Возвращается слуга, ставит па стол третий прибор. Барон уходит.

Эльвира. Ты пригласил его?

Слуга. Разумеется, ваша милость.

Эльвира. Он придет?

Слуга. Трудно сказать.

Эльвира. Как он будет смущен, бедняга!

Слуга. Вы думаете, ваша милость?

Эльвира. Чего только не думает о господах тот, кто сам не принадлежит к ним! (Играет на клавикордах.)

Слуга. Ваша милость…

Эльвира. Да?

Слуга. Нашего колодца во дворе уже не видно. (Поправляет приборы на столе.) Я думаю, гость будет сидеть здесь. Если он придет, потому как, прошу прощения, мне показалось, что он пьян.

Эльвира. Пьян?

Слуга. Не сильно, ваша милость, не до беспамятства. Но все-таки.

Эльвира. Все-таки? Сколько это — все-таки?

Слуга. Я к тому еще говорю, чтобы вы не удивлялись, если я не подам венецианских бокалов…

Эльвира. Почему же?

Слуга. Этот парень, наш гость… у него такая привычка — как только выпьет стакан, так бросает его об пол.

Эльвира. Замечательно…

Слуга. Как угодно вашей милости.

Эльвира. Килиан!

Слуга. Да!

Эльвира. Я хочу, чтобы венецианские бокалы были на столе.

Слуга. Это наши лучшие, ваша милость, барон их больше всего любит, это память о его путешествии, о море…

Эльвира. Именно поэтому.

Никем не замеченный, входит Пелегрин. Эльвира продолжает играть, слуга занят посудой на столе.

Килиан, а какой он, наш гость?

Слуга. Какой?

Эльвира. Опиши его! У него бородища, да? А волосы, наверное, закрывают воротник, словно парикмахеры все повымерли?

Слуга. У него нет воротника.

Эльвира. В детстве я однажды видела такого бродягу, он придерживал бороду и вытирал рукой следы от супа на губах — фу!

Слуга. У него нет бороды, у нашего гостя.

Эльвира. Жаль.

Слуга. И все-таки ваша милость будут удивлены.

Эльвира. А ботинки? Какие у него ботинки? Ты видел те, которые остались от цыган и теперь валяются в пруду?

Слуга. Примерно такие же и у него.

Эльвира. Бедняга! Надо дать ему какие-нибудь получше, потом.

Слуга. Это было бы великодушно со стороны вашей милости.

Эльвира. Но только потом! Понимаешь, барон хочет познакомиться с ним, с таким, как он есть… Он пьян, ты сказал?

Слуга. Боюсь, этот ужин доставит мало радости вашей милости.

Эльвира. Напротив!

Слуга. Он совершенно нищий, я думаю.

Эльвира. О, я не такова, чтобы не выносить присутствия бедных людей.

Слуга. Я хочу сказать, ему нечего терять. Такие люди имеют обыкновение говорить правду…

Эльвира. Какую правду?

Слуга. Какую им заблагорассудится. Совсем нетрудно, ваша милость, быть смелым, когда дошел до точки.

Эльвира. Я ценю правду.

Слуга. Даже когда она неприлична? Он, видимо, немало повидал на своем веку.

Эльвира. Например?

Слуга. И в тюрьме сидел.

Эльвира. В тюрьме?

Слуга. Тут замешана женщина, я думаю…

Эльвира. Он был в тюрьме, ты говоришь?

Слуга. Он так сказал.

Эльвира. Замечательно!

Слуга. Его хотели повесить, я думаю.

Эльвира. Замечательно, просто замечательно.

Слуга. Что же здесь замечательного, ваша милость?

Эльвира. Что? (Снова поворачивается к клавикордам.) А то, что человек, который недоволен своей судьбой, на этом примере сможет кое-чему научиться, — вот что. (Трогает клавикорды.)

Слуга (хочет уйти, но замечает в дверях гостя). Гость, ваша милость. (Уходит.)

Эльвира. А! Разве уже был гонг… (Поворачивается, чтобы идти навстречу гостю, но останавливается, увидев его.)

Пелегрин. Добрый вечер, Эльвира.

Эльвира. Пелегрин?!

Пелегрин. Я приглашен на ужин, если не ошибаюсь.

Эльвира. Пелегрин…

Молчание.

Пелегрин. Не пугайся, Эльвира, я скоро уйду, у меня не много времени.

Молчание.

Вы прекрасно живете, я всегда так и думал… Вот только это полено… мне кажется, лучше задвинуть его подальше в камин, ты позволишь?.. (Берет кочергу.) Ты удивлена, Эльвира, что я появился здесь, в этих невероятных местах… Я был болен, у меня была лихорадка, такая, что казалось, будто черти тянут из меня жилы. И вот я снова здоров. Бывает же: здоровее, чем когда-либо!.. (Выпрямляется.) На Кубе меня дожидается одна ферма, всеми забытая, опустевшая, выгоревшая ферма. Я буду выращивать на ней фрукты: ананасы, персики, сливы, инжир, виноград. Корабль отходит через месяц, а через год, Эльвира, я пришлю вам свой собственный кофе!

Эльвира, стоявшая до сих пор молча и неподвижно, как статуя, вдруг поворачивается, подбирает юбку и решительно устремляется прочь.

Куда же ты? Я не хотел тебя пугать… Ага, а вот и ваша дочка. (Останавливается перед фотографией.) Ты похожа немного на мать. Глаза, как у серны. Может быть, она теперь плачет от гнева, твоя мать, — я напомнил ей о вещах, о которых тебе вовсе не следует знать, умнее от этого не станешь, а главное — жизнь коротка, вот в чем вся штука. (Оглядывается кругом.) А, книги… (Берет одну из них в руки.) Когда-нибудь, не знаю только когда, я все вас прочту, о вы, чудесные соты, со следами воска на страницах, на которых оседает разум столетий.

Появляется барон; он явно озадачен появлением своего гостя, который, ничуть не смущаясь, продолжает листать книгу.

Барон. Желаю здравствовать.

Пелегрин. И вам того же… Ваша милость тоже, по-видимому, любитель гравюр? У вас прелестное собрание.

Барон. Жена появится сию минуту.

Пелегрин. Вы думаете?

Барон. Мне сказали, что вы уже около недели в нашем доме, вас задержал снег.

Пелегрин. И снег тоже.

Барон. У нас редко бывает столько снега.

Пелегрин. Когда-то и я собирал… индейские головы, в Америке. Черт знает, как им это удается, но величиной они вот такие — с кулак, натуральные человеческие головы. Мертвые, конечно. Но безупречной сохранности — мясо, кожа, глаза, волосы, даже черты лица — только в уменьшенном размере. На ферме, где я тогда работал, у меня был целый набор таких голов, их можно было держать в руке, как клубни картофеля. Но однажды меня разозлили женщины, и я покидал в них все головы, так что ни одной не осталось. (Смеется.) Почему вы так смотрите на меня?

Барон. Мне кажется, мы уже где-то виделись…

Пелегрин. Правда?

Барон. Не знаю, помните ли вы меня…

Входит слуга.

Слуга. Ее милость просят ее извинить. У нее мигрень, она говорит, или что-то с желудком.

Барон. Спасибо.

Слуга уходит.

Сядем!

Пелегрин. Мне кажется, это было на Санта Крусе… Спасибо… Это было на Санта Крусе, в том проклятом кабачке, где у меня украли серебряный амулет!

Барон. Кто, я?

Пелегрин. Негры! Помните негра, который продавал устрицы? Я и сейчас утверждаю, что они воняли… Спасибо… Я ждал вас тогда на нашем корабле, вы ведь сказали, что поедете с нами? Корабль с красным вымпелом, помните?

Барон. Отлично помню.

Пелегрин. "Виола".

Барон. "Виола"?!

Пелегрин. Да, попутешествовали мы тогда! Под Мадагаскаром нас взяли французы и нацепили наручники. Девять недель мы сидели в тюрьме и грызли ногти, жрали плесень на стенах! К счастью, я заболел, остальных сослали на галеры. Ведь мы пираты! Меня должны были послать вслед за ними, но сначала отвезли в госпиталь. Больничная сестра дала мне свою кровь… Да, она закатала белый рукав, села и дала мне свою кровь. Потом я спрыгнул с мола и поплыл. Понимаете, я все

плыл и плыл, а во мне была кровь той сестры, была лунная ночь, на рейде стояло голландское грузовое судно, и я уже слышал, как на нем поднимали якорь. Но простите.

Барон. За что же?

Пелегрин. Я все болтаю, не даю вам рта раскрыть.

Барон. Я слушаю…

Пелегрин. К тому же вы не едите. Это невежливо с моей стороны.

Барон. Я слушаю с интересом. Правда! Пусть вас не смущает мое любопытство к тому, что мне не удалось испытать в жизни.

Пелегрин. Давайте чокнемся!

Чокаются.

За вашу супругу!

Пьют.

Потом мы добрались до Гавайи…

Они собираются приступить к еде, но внезапно раздается музыка.

Они прислушиваются, смотрят друг на друга, встают, не выпуская салфеток из рук, пытаются понять, откуда доносится музыка.

Барон. Что бы это значило?

Пелегрин. Музыка…

Барон. Откуда?

Пелегрин. Они всегда это пели, матросы, эти загорелые дьяволы с глазами кошек, когда мы ночами валялись на палубе и не могли уснуть от жары — в такие ночи, в те безветренные ночи…

Барон. Что бы это значило?

В дверях появляется юная девушка.

Виола. Отец…

Барон. Что случилось?

Виола. Не знаю.

Барон. Что-то случилось…

Виола. Мама плачет и не говорит почему.

Барон. Позвольте представить — наша дочь.

Пелегрин. Здравствуй.

Барон. Виола.

Пелегрин. Виола?..

Сцена погружается в темноту, но музыка не смолкает. Пение матросов слышится все ближе и ближе.

АКТ ВТОРОЙ

Палуба.

Ночь. Кругом лежат матросы и поют известную по первому акту песню. Внезапно она обрывается.

Первый. Ветер заставляет себя ждать.

Второй. Ветер не торопится…

Третий. Наши бочки адски воняют!

Первый. Месяц повис над морем, словно серебряный гонг.

Второй. А по-моему, он похож на фонарь, подвешенный к мачте…

Третий. Педро! Педро!

Первый. Он спит. Он и оков не чувствует, когда спит.

Третий. Педро, эй!

Педро. Не сплю я.

Третий. Что нового в стране небылиц, Педро?

Педро. Ведь вы не верите мне, ни одному моему слову, и все-таки заставляете меня рассказывать снова. Вы, злобный сброд, вы заковали меня, потому что я говорю правду!

Третий. Не шуми, приятель…

Педро. Кто заставил меня три ночи лежать на животе, чтобы я не видел звезд?

Третий. А не говори нам того, чего не бывает. Например: звезды поют. А кто это слышал? Ты все лжешь. Поэтому тебя и заковали.

Педро. Раз то, что я говорю, ложь, зачем же вы заставляете меня снова рассказывать? Зачем вы меня слушаете?

Первый. Затем, что нам скучно…

Педро. А почему вам скучно?

Второй. Он поэт! Оставь его.

Третий. Вот этого-то проклятого трепа я и не выношу! Болтает о том, чего не увидишь. Ну ладно! Помаешься ты у нас, пока мы не убедимся, что хоть в одной твоей истории есть доля правды! Тогда и освободим тебя.

Педро. Когда увидите, что все это правда?

Третий. И ни секундой раньше! Не смейся!

Педро. Когда вы еще это увидите, вы, слепцы! Вы, с вашим неизлечимым всезнайством и самодовольством; вы ничтожная толпа, с вашей бесстыдной наглостью, пустотой и скукой, вы ничто, вы бездонная бочка, вы толпа!..

Смех и шум.

Ничего я вам не буду рассказывать! Ничего!

Третий. Вношу предложение — три дня без хлеба.

Второй. И три дня без воды.

Все. Принято.

Голос где-то в другой части корабля вновь поет песню.

Педро. Семнадцать лет назад, говорю я, на этом самом месте он похитил девушку по имени Эльвира, девушку, говорю я, и отнес ее в каюту, там все и случилось…

Второй. Что?

Педро. Семнадцать лет назад…

Третий. Все ложь, выдумка и ложь!

Педро. Теперь она замужем за одним бароном, живет с ним в замке, далеко отсюда, на той стороне земного шара, там, где теперь зима. Мы не можем заснуть от жары, а там, представьте себе, они греются у камина, барон и его жена. Они не знают, о чем говорить, — так долго уже длится их брак. Входит слуга. "Что случилось?" — спрашивает барон. "В доме бродячий певец". Они приглашают его на ужин, изнывая от скуки, а когда баронесса его видит, как вы думаете, что она делает?

Первый. Да о ком идет речь?

Педро. О нашем капитане! О ком же еще…

Третий. Все ложь, выдумки и ложь.

Педро. Как вы думаете, что делает баронесса, когда видит, кто поднимается из полуподвала в зал их фамильного замка? Она поворачивается и, не говоря ни слова, уходит…

Первый. Почему же?

Педро. Барон и Пелегрин остаются вдвоем за столом, они едят и пьют, болтают о былых временах и вдруг слышат музыку… "Что бы это значило? спрашивает барон. — Что бы это значило?"

Второй. Ну и?..

Педро. Конечно, то была песня, которую мы только что пели, что ж еще!

Второй. Не может быть!

Педро. Против памяти бессильны любые расстояния, друзья мои. Баронесса слышит нашу песню, даже если она лежит на другом конце света, там, где теперь зима, где идет снег. Она лежит в спальне фамильного замка, плачет, бедняжка, в подушку и, как верная жена, гонит от себя воспоминания о том, что случилось здесь, в каюте, семнадцать лет назад…

Первый. Представляю себе!

Второй. Как верная жена!

Педро. Лишь иногда во сне…

Третий. Все ложь, выдумки и ложь!

Педро. Лишь иногда во сне он снова приходит, тот соблазнитель, дерзкий, как тогда, юный, как тогда… Ночь тогда была такая же, как сегодня, — на небе серебряный путь луны, — и вот он вновь похищает ее, во сне, ей снится, что она снова девушка и вновь теряет невинность…

Второй. Здорово! Вы слышали, что снится баронессе? Что она теряет невинность!

Первый. Нет ничего лучше невинности и страсти…

Третий. Ложь, наглая ложь!

Педро. Тихо…

Третий. Ложь, говорю я, ложь!

Педро. Вот они идут — сзади…

Появляются Эльвира, в шелковой ночной рубашке, и Пелегрин такой, каким он был семнадцать лет назад.

Пелегрин. Еще ступенька.

Эльвира. Мне никак нельзя оступиться, иначе я проснусь.

Пелегрин. Я держу тебя.

Спускаются.

Педро. Мне только жаль барона, который ничегошеньки не видит, глядя на лоб своей жены…

Пение прекращается.

Пелегрин. Встать, эй вы, живо! Околачиваетесь здесь да распеваете, и никто не встанет, когда я иду. Что это значит? Раскачивайтесь-ка побыстрей, поднять паруса! Мы выходим в море. Или вы спите?

Матросы нехотя поднимаются.

Выходим в море. Сейчас же! Понятно?

Матросы принимаются за работу. Только скованный Педро остается лежать в темноте.

Эльвира. Это и есть ваш корабль?

Пелегрин. Да, "Виола".

Эльвира. "Виола"?

Пелегрин. Жалкая посудина, что и говорить! Мы захватили ее совсем недавно около Марокко. Вся их команда напилась мертвецки, нам это недорого стало — всего трех человек. Большего она и не стоит, но этого достаточно, чтобы выйти в море с Эльвирой, в море, где нет ничего, кроме воды и луны…

Эльвира. Здесь ты назвал меня красивой.

Пелегрин. Ты красива, Эльвира.

Эльвира. Ты сказал это по-другому… тогда.

Пелегрин. Эльвира, представь себе раковину, каких не бывает на самом деле, о каких можно только мечтать — так она красива. Можно объездить все морские побережья, вскрыть тысячи, сотни тысяч раковин, и ни одна из них не будет такой же красивой, как та, о которой можно только мечтать, ни одна не будет красива так, как ты, Эльвира!

Эльвира. О Пелегрин! (Теряет равновесие.)

Пелегрин (поддерживает ее, усаживает на бочку). Егу!

Эльвира. Мне не холодно. Совсем нет!

Пелегрин. Егу!

Эльвира. Я не хочу, чтоб они приносили красный ковер.

Пелегрин. Егу! Черт возьми, куда он запропастился? Егу!

Эльвира. Я не хочу пить. Я больше никогда не буду пить ваше желтое вино, никогда! Слышишь, Пелегрин? Я не хочу…

Входит молодой малаец.

Пелегрин. Принеси нашей гостье ковер. Принеси фруктов, вина, яств — все самое лучшее, что у нас есть.

Малаец уходит.

Смех разбирает меня, как вспомню твоего отца! Такой строгий господин! Завтра, когда он, как обычно, встанет с постели, я наказал слуге, чтобы тот сказал: "Вон там вдали, — так скажет ему слуга, — видите кораблик с красным вымпелом?" Он ответит: "Я ничего не вижу". И слуга скажет: "О, теперь и я не вижу!.."

Эльвира. Бедный отец, мне жаль его, он так страдает из-за меня.

Пелегрин. Не всякому человеку можно сказать: моя дочь — жемчужина, а ты, бродяга, недостоин и взглянуть на нее! "А где она?" — спрашиваю. "Не твое дело, — рычит он, — она помолвлена…"

Эльвира. Он был прав.

Пелегрин. "Она помолвлена, — сказал он, и гордость, о, какая гордость скривила его губы, — с одним аристократом, с бароном!"

Эльвира. В самом деле, Пелегрин…

Пелегрин. В самом деле: уже тринадцать недель я мчусь к тебе.

Раздаются неразборчивые крики.

Эльвира. Что это?

Пелегрин. Они распустили паруса. Четкая работа. Держу пари — как только исчезнет луна, появится ветер! А завтра, когда ты проснешься, будет утро, полное ликующего солнца, утро, полное лазури и ветра, утро без берегов, без границ…

Эльвира. Я знаю, Пелегрин, каким оно будет, — ведь оно уже было.

Малаец вносит корзину с фруктами, живописную, как на полотнах Тициана.

Боже мой, боже мой!

Пелегрин. Я считаю, нам не стоит скучать до наступления утра. Люблю фрукты! Они учат меня благочестию. Фрукты, по-моему, удались господу, как ничто… Спасибо, Егу!

Малаец уходит.

Люблю малого. Он ходит, словно не касаясь пола, взгляд у него печальный, как у зверя, голос — бархатный, особенно когда он смеется… (Поднимает бокал, чтобы чокнуться.) За наше здоровье!

Эльвира. Я не буду пить.

Пелегрин. Вино превосходное. Нужно отдать должное французам…

Эльвира. Никогда больше, Пелегрин, никогда!

Пелегрин. Почему же? (Поднимает бокал.) Чокнемся, пока оно не пролилось!

Эльвира не шевелится.

В такую ночь опаснее пренебрегать вином, чем его пить.

Эльвира. Как это?

Пелегрин. Мне может показаться, что девушка чего-то боится. Но чего, буду думать я, чего? Мужчину это может натолкнуть на отчаянные мысли, а потом, в конце концов, раз ты все не пьешь, мужчина подумает, что те же мысли и у тебя в голове.

Эльвира берет бокал.

За наше здоровье! (Пьет.)

Эльвира (смотрит в бокал). Почему мне все это снится? И часто. Я точно знаю, потом ты меня бросишь, ты поведешь себя как подлец. Я знаю, потому что все это уже было. Много лет тому назад. И все это прошло, прошло навсегда, и все-таки никак не кончится. Потом я выйду замуж за барона. Даже смешно, как мне все это знакомо, до мелочей — я лежу в спальне нашего замка, а он, добрый, славный, поднимается по лестнице, входит, смотрит на мое лицо, объятое сном, — в эту самую минуту!..

Входит матрос, несущий вахту.

Матрос. Господин капитан!

Пелегрин. Что тебе нужно, собака?

Матрос. Там корвет!

Пелегрин. Где?

Матрос. Сзади по борту.

Пелегрин. Ну и что же?

Матрос. Мы без флага, они приняли нас за пиратов…

Пелегрин. Может быть.

Матрос. Они обстреляют нас, едва рассветет.

Эльвира. Обстреляют?

Пелегрин (опорожнив бокал и выбросив его за борт). Разумеется, они нас обстреляют. Порядок прежде всего. Чего ж им еще делать на этой земле… Поднять всех по тревоге, расставить по местам! Я сам буду на мостике, если дойдет до дела!

Матрос. Слушаюсь. (Уходит.)

Пелегрин. Пойдем в каюту, Эльвира. Да поможет нам луна тем, что спрячется в тучах. Нам не впервой уходить от них!

Эльвира. Я не пойду в каюту, Пелегрин.

Пелегрин. Но почему?

Эльвира. Никогда больше, Пелегрин, никогда!

Пелегрин. Что это значит? Я не понимаю…

Эльвира. Я не пойду в каюту! Ни за что на свете!

Пелегрин. Там лучше всего, поверь мне, всего спокойнее. Там ты найдешь ложе, единственное на всем корабле, а когда все будет позади, я разбужу тебя!

Эльвира. А потом?

Пелегрин. Здесь может быть опасно. Тебе не место на палубе! Я ведь знаю этих идиотов, пристроившихся по нашему курсу, — они свирепо завидуют чужой жизни, потому что у них нет своей собственной…

Эльвира стоит неподвижно.

Почему ты так пристально смотришь на меня?

Эльвира. Я снова верю тебе, как тогда.

Пелегрин. Веришь чему?

Эльвира. Потом, когда я вспоминала об этой ночи, мне всегда казалось, что то была хитрость с твоей стороны, коварный план — эта каюта и все самый что ни на есть подлый расчет.

Пелегрин. Нам нужно уйти, Эльвира, заклинаю тебя!

Эльвира. О Пелегрин…

Пелегрин. В каюте ты будешь надежно укрыта. И одна.

Эльвира. Я ведь знаю, Пелегрин, что было в каюте семнадцать лет назад, когда кончилась стрельба… (Вскрикивает.) Боже мой! Что это за человек лежит здесь в оковах?

Педро. Это я.

Пелегрин. Педро?

Педро. Что поделать, господин, они опять заковали меня!

Эльвира. Великий боже, нас подслушали…

Пелегрин. Это всего лишь поэт, которому никто не поверит, если он станет болтать… Пойдем, Эльвира, пойдем! Спустимся в каюту, там ты будешь надежно укрыта.

Слышен пушечный выстрел.

А, они загромыхали уже, эти кретины на страже порядка.

Эльвира (падает в его объятия). Почему, почему мне все еще снится это?

Пелегрин уносит ее в каюту.

Педро. А барон ничегошеньки не видит — на лбу своей спящей жены…

АКТ ТРЕТИЙ

В замке.

За столом опять сидит писарь. На полу — чемоданы. Около них слуга.

Писарь. Уже заполночь.

Слуга. Не знаю, что и подумать…

Писарь. Семнадцать лет я на службе, и никогда никаких капризов, никаких причуд. Все шло своим чередом — свободный вечор, ночной сон, человеческое достоинство. Вчера еще, когда я сидел за этим столом, я мог об заклад побиться, что наш барон человек разумный, порядочный, умеющий ценить такого писаря, как я. Сколько раз я говорил ему: если понадобится, ваша милость, я буду работать и ночью — и можно было не опасаться, что он злоупотребит моим рвением.

Слуга. Тсс! (Прислушивается.) Это бродячий певец.

Писарь. И он тоже еще не спит?

Слуга. Я его встретил, когда тащил чемоданы из кладовки. Хотел показать ему его комнату, но он поблагодарил и отказался, сказал, что не хочет спать, ему жаль времени, он собирается посмотреть картины.

Писарь. Вот баранья голова. (Зевает.)

Слуга. Знаете, что я думаю?

Писарь. Велели писать письмо, это среди ночи-то.

Слуга. Во всем виноват этот бродяга. Я так думаю. Все началось с того, что у госпожи заболел живот. Потом они пили до самой ночи, барон и он. Кололи орехи — там целая гора шелухи! — и все пили!..

Писарь. Я замерз как собака.

Слуга. Разве может человек, у которого замок, жена, ребенок, просто так взять и уехать? Послезавтра праздник, придут арендаторы, кто будет говорить с ними? Пусть мне ответят — кто? А что будет с быками? И кто будет платить нам жалованье? Не верю, чтобы барон мог уехать так просто, как будто в мире он один.

Писарь. А если его охватит тоска, которая сильнее, чем два быка?

Слуга. Вы рассуждаете, как холостяк. А что может знать о мире холостяк, даже если он объехал весь мир!..

Писарь. Хватит болтать, Килиан. Зевота берет.

Слуга. Ничего холостяк не знает о мире, ничего…

Писарь. Завтра я тебе отвечу.

Слуга. Никогда не поверю, чтобы барон мог вот так взять да и сделать, что ему в голову придет.

Писарь. Он чуть было в домашнем халате не уехал. Я ему об этом сказал. Верно, говорит, сейчас ведь зима, здесь всегда зима!

Слуга. Ну, это он преувеличил…

Писарь. Пошел переодеваться. Сказал, что хочет снова надеть куртку, которую носил в молодости…

Слуга. Что, что он хочет надеть?

Писарь. Куртку, которую носил в молодости. Потому так долго и возится, наверное, никак найти не может…

Слуга. Ничего не понимаю.

Писарь. Друг мой, есть вещи, которые происходят вовсе не для того, чтобы их понимали. И все-таки они происходят. Это называется безумием…

Слуга. Тсс, тихо!

Входит барон в куртке, которую он носил в молодости.

Барон. Сани готовы?

Слуга. Разумеется, ваша милость.

Барон. Чемоданы погружены?

Слуга. Ваша милость приказали…

Барон. Килиан…

Слуга. Да?

Барон. Говори тихо. Чтобы никто не проснулся. Ночь ведь. Госпожа спит. И видит сны…

Слуга выносит чемоданы.

На чем мы остановились?

Писарь. "Супруге моей, в час отъезда, который нельзя отложить, ибо мне стала близкой мысль о краткости нашего бытия. Дорогая Эльвира, поскольку ты не знаешь, что мне все известно, и поскольку я в свою очередь не знаю, где ты витаешь в эту ночь, в то время как внешне ты

почиваешь наверху, в нашей спальне, как все эти годы, — витаешь там, куда умчал тебя незнакомец, чье имя трижды слетело с твоих уст, я пишу тебе это письмо. Я оставлю его на столе, где ты найдешь его утром, если спустишься, как все эти годы, к завтраку, как будто ничего не случилось, и обнаружишь, что ты одна, о чем я искренне сожалею. В эту ночь, когда я стоял подле тебя, Эльвира, мне стал ведом женский голос, исполненный такой нежности, которой я никогда не знал..."

Барон. Пояс стал, кажется, слишком узок. (Отбрасывает его.) Мне стал ведом женский голос, исполненный такой нежности, которой я никогда не знал... да.

Писарь. На этом мы остановились.

Барон. Хорошо... Ввиду таких обстоятельств... изволь писать. Ввиду таких обстоятельств я считаю себя вправе дать волю моей тоске, которую убивал, глушил, хоронил в течение многих лет, чтобы она не испугала тебя, Эльвира.

Писарь. "...испугала тебя, Эльвира".

Барон (ходивший по комнате во время диктовки, останавливается. Непонятно, для кого он говорит — для себя или для Эльвиры). Еще раз море... Понимаешь, что это значит? Еще раз безбрежная ширь возможностей. Не знать, что принесет тебе следующий миг, слово, за которым устремляешься на другой край света, корабль, случай, разговор в кабаке и кто-то произносит: Гавайи! А когда просыпаешься, плещут волны, и ничего вокруг, кроме неба, кроме моря, на котором где-то там повисли континенты. Я их люблю, я думаю о них в светлые часы одиночества, они всегда далеко отсюда, они на том созвездии, что сверкает дрожащим алмазом в ночи...

Писарь. Не так громко, ваша милость...

Барон. Поговорив с пришельцем, как остро почувствовал я опять нашу бренность! Бездна времени перед нами, и такая же бездна времени за нами, и темная, неуловимая сущность вещей, природы, пустота бога, бурлящего в вулканах, испаряющегося на море, цветущего в джунглях, увядающего, гниющего, превращающегося в уголь и вновь цветущего, бога, у которого не хватает глаз окинуть взором все свои бесконечные весны! Мы же — его единственная надежда на то, что он будет узрим, отражен в блеске бренного человечьего глаза, мы этот невероятный миг, называемый человечеством, мы — частный случай одного из медленно остывающих звездных образований… И я, я сам — искра этого вселенского мига: чувствовать это, знать это, жить этим…

Писарь. Тише!

Барон. Эльвира, я хочу снова жить, мочь, плакать, смеяться, любить, испытывать трепет в душной ночи, ликовать. Мы уже не помним, как это было, ведь то были мгновения, рассыпанные по годам. Я хочу снова почувствовать, какое это счастье — шить на полном дыхании, пока нас навсегда не засыпало снегом.

Возвращается слуга.

Слуга. Сани готовы, ваша милость. (Снова уходит.)

Барон. На чем мы остановились?

Писарь. "Ввиду таких обстоятельств" и так далее до слов "испугала тебя, Эльвира".

Барон. Пока нас навсегда не засыпало снегом. (Уходит прежде, чем писарь кончает писать.)

Писарь. "…Пока нас навсегда не засыпало снегом". (Посыпает письмо песком.) Вот оно как… Проклятый певец! Слоняется по дому,

щелкает орехи, смотрит картины, лицемер проклятый, а тем временем разгуливает с нашей госпожой по океанам сна… вновь увозит ее на корабле воспоминаний…

В дверях стоит Пелегрин, он щелкает орехи, которые достает из карманов брюк, и жует их.

Пелегрин. На улице все еще идет снег.

Писарь. Вот тебе на! А я только что проклинал вас, да-да, именно вас!

Пелегрин. За что же?

Писарь. Да знаете ли вы, что натворили этой ночью?

Пелегрин. Я? Что же?

Писарь. Вы, бродячий певец, призрак, да как вы посмели? По вашей милости меня разбудили среди ночи… Что вы потеряли, хотел бы я знать, да, что вы потеряли в снах замужней женщины?

Пелегрин. Я?

Писарь. Вы даже не краснеете…

Пелегрин. Я ничего не знаю. (Щелкает орехи.) Замечательные у у вас тут орехи!

Писарь (собирает бумаги). Мы в курсе дела! Вот письмо! Среди ночи… Вы что думаете, вам можно перевертывать время вверх дном? У нас в доме порядок — главное, ясно? Что прошло то прошло. Вчера,

сегодня, завтра! Вы же листаете в годах то вперед, то назад, это просто свинство!

Пелегрин. Не понимаю, почему вы сердитесь?

Писарь. Подождите только, вот проснется госпожа, уж она-то вас не поблагодарит, уж она-то вам все скажет…

Звон колокольчиков вдали.

Вот, слышите? Он уезжает, среди ночи — раз, два, и был таков…

Пелегрин. Кто?

Писарь. Барон.

Пелегрин. Куда?..

Некоторое время слышится серебряный звон колокольчиков, постепенно он затихает.

На улице все еще идет снег. От него растут сугробы тишины — все выше и выше. Снег засыпает лес, крыши, дороги, ветви, столбы, и растет тишина, и нет ничего, кроме тишины и снега. Куда ни посмотришь — везде снег. Даже на сосульках. Снег падает и на ручей, и скоро все смолкнет.

Писарь. Пойду спать.

Пелегрин. Спите.

Писарь. А вы почему не идете спать?

Пелегрин. Жду.

Писарь. Нашу госпожу?

Пелегрин. Но мешайте ей спать, не будите ее.

Писарь уходит.

(Стоит у окна.) Мне кажется, я не проживу долго… Через несколько часов наступит рассвет.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

На Санта Крусе.

Педро. Санта Крус… Агавы, пальмы, мечети, мачты, море. По временам шум из порта, обрывки песен неизвестно откуда… А вот и кабак Санта Круса, такой, каким он мог быть семнадцать лет назад. Все так же пахнет рыбой. Внизу, у мола, где наш корабль бросил якорь, на зеленой, как бутылка, воде плавают арбузные корки и, должно быть, переливающиеся всеми цветами радуги пятна мазута. Ну и так далее. И тогда, я думаю, был такой же день — белый, как мел, а тени черные, как тушь. Сверху — кусок неба, разумеется, безоблачного. Названий птиц я не знаю. Иногда среди немолчного пения бряцание цепей… Вот как будто и все — Санта Крус, каким он остается в памяти. Да, еще негр!

Появляется негр, торговец устрицами.

Негр. Эй, эй! Эй, эй!

Педро. Он простецкий малый и этим мне нравится.

Негр. Что я вижу!

Педро. Хотя он и негодяй. Это он украл серебряный амулет, когда Пелегрин затеял с ним перепалку. Почему Пелегрин это сделал? Посмотрим…

Негр. Почему ты закован?

Педро. Потому.

Негр. Я хотел сказать — свежие устрицы, мой господин! Как же ты будешь есть устрицы, если ты закован? С тобой бизнес не сделаешь, говорят, ты поэт! (Ухмыляется, потом уходит.)

Педро. Люблю его за простоватость. Он верит в господа бога, как мы его научили. Нужно поступать справедливо. Но что такое справедливость? Возможен такой случай, когда справедливость исключена. Как тогда, в нашей истории, как вообще часто бывает между мужчиной и женщиной. Что бы они ни делали, Эльвира и Пелегрин, все принесет им страдания. Чем они заслужили подобную участь? Тем, что любят друг друга, мужчина и женщина, которых бог создал друг для друга, чтобы дать им вину друг перед другом. Так устроен мир господа, которого мы называем "праведным богом", ибо он смилуется над нами после всего…

Появляются Эльвира и Пелегрин.

Пелегрин. Здесь тень.

Эльвира. Не могу больше.

Пелегрин. Не понимаю, почему ты плачешь? И дня не проходит без слез. Да кто тебе сказал, что тебя хотят оставить? Кто тебя хочет оставить, скажи?

Эльвира. Ты.

Пелегрин. Как ты можешь так говорить!

Эльвира. Ты оставишь меня, если отправишься дальше.

Пелегрин. Никуда я не отправлюсь — без тебя!

Эльвира. Пелегрин! Я никуда больше не поеду.

Педро (сидит на авансцене). Это старая песня. Они любили друг друга это правда, и они расстались друг с другом — тоже правда. Бессмыслица. Этому можно верить или не верить, но это правда. Наступает час, когда выхода нет.

Эльвира садится.

Пелегрин (стоит перед ней). И теперь ты, верно, думаешь, что я подлец? Что вот я отведу тебя в этот кабак и исчезну, подниму якорь и оставлю тебя здесь? Среди матросов и негров? Ты думаешь? Что я такой же, как все, вор и разбойник, для которого ты — стакан вина, не больше, выпил и бросил, разбив вдребезги… (Педро.) Где наши люди, Педро? Пусть поторопятся. Пусть крикнут нам, как только корабль будет готов.

Педро. Я скажу тогда.

Пелегрин. Почему ты закован? Опять?

Педро. Глупая шутка. Я рассказываю им историю, они видят, что она правдива, и освобождают меня. Но тем временем история развивается дальше, изменяется, я говорю им об этом, но они еще не видят этого и не верят мне и снова надевают на меня кандалы.

Пелегрин. Что это за история?

Педро. О, это старая история, друг мой…

Пелегрин. У нас нет времени для историй. Пусть мне крикнут, когда корабль будет готов.

Педро остается в прежней позе.

Нам нужно двигаться дальше. Черт бы взял этот Санта Крус! Все тринадцать дней, пока мы здесь, я каждую минуту дрожу от страха, что они узнают, откуда этот корабль, узнают, что герб замазан. Что тогда? Я не хочу болтаться на виселице, Эльвира. Я сделал это ради нашей любви. Ты сама знаешь. Нам нужно двигаться дальше. Ну вот, ты опять плачешь.

Эльвира. Все дело в том, Пелегрин, что ты даже не понимаешь, почему так не может продолжаться, почему это невозможно для женщины, для меня.

Пелегрин. Что не может продолжаться?

Эльвира. Такая жизнь не для меня. Я не могу больше. То был высокий сон, соблазнивший меня…

Пелегрин. Сон…

Эльвира. Я чувствую, что просыпаюсь, и я не могу больше.

Пелегрин. Сон… Понимаю. А действительность — это замок, обещанный тебе другим, аристократом. Ты покинула его. Во сне. Теперь ты вспомнила об обещанном замке. И это — действительность. Понимаю.

Эльвира. Как ужасно ты можешь говорить!

Пелегрин. Черт возьми, что же мне остается делать? Скажи, что?

Эльвира. Я уже много раз говорила тебе.

Пелегрин. Что?

Эльвира. Я хочу, чтобы ты остался со мной.

Пелегрин. Как будто я хочу чего-то другого…

Эльвира. Навсегда. Понимаешь? Я хочу, чтобы у нас была твердая точка опоры, чтобы нам можно было сказать, что вот здесь мы дома. И только. Когда-нибудь, Пелегрин, у нас будет ребенок.

Пелегрин. Да.

Эльвира. Понимаешь, что это значит?

Пелегрин. Ребенок?

Эльвира. Понимаешь?

Пелегрин. Пусть рождается, коли ему охота. Пусть увидит, как велик мир, как странен человек! Что ж еще…

Эльвира. Я хочу, чтобы мы поженились, Пелегрин.

Пелегрин. Поженились… (Освобождается от нее.) Я боялся этого слова. Давно уже. И вот теперь, когда наше корыто залатано и перед нами снова открыты моря, теперь, когда уже распущены паруса, теперь ты говоришь мне об этом.

Эльвира. Не я умоляла тебя отправиться со мной, Пелегрин.

Пелегрин. Но жениться!

Эльвира. Я хочу лишь того, чего всякая женщина вправе желать от своего возлюбленного…

Пелегрин. Сеть, из которой не выберешься.

Эльвира. Пусть так, если у тебя нет других слов для этого.

Пелегрин. Назови это гробом, если тебе так больше нравится. Брак — это гроб любви… Для него нужна самая малость — чтобы мужчина обрезал себе крылья, те зачатки крыльев, которые у него есть. Большего вам не нужно.

Эльвира. Мужчина всегда думает только о себе.

Пелегрин. А ты?

Эльвира. Я думаю о ребенке.

Пелегрин. Вечно этот ребенок.

Эльвира. Не думай, что ребенок — это меньше, чем мы. Жизнь, которая перед ним, длиннее нашей.

Пелегрин. Что ж, мне хоронить себя из-за ребенка, покончить с собой, чтобы он мог жить? (Принужденно смеется.) Эльвира! Я прекрасно представляю себе, какая жизнь нас ждет там, где мы можем сказать: вот здесь мы дома. Я, например, копаю уголь, чтобы мы могли жить или чтобы мы могли думать, что живем. Или торгую рыбьим жиром. Почему бы и нет! Буду прилично зарабатывать и даже тешить тщеславие — во всей округе нет рыбьего жира, который не приносил бы мне дохода. С божьей помощью я даже усовершенствую его производство. Ради тебя!

Я не буду знать ни сна, ни отдыха, буду работать изо дня в день, из недели в неделю, из года в год, чтобы мы могли жить устойчиво, прочно. Зачем мы живем? Как зачем — того хотят рыбий жир, долг, устойчивость, жена, дети, слуга, горничная, кухарка, крестьяне, господь бог, отечество… (Очень серьезно.) Эльвира, я не способен на это.

Эльвира. Это жертва, я знаю.

Пелегрин. Никому не удастся то, чего он не хочет… и даже ты не можешь этого желать — я буду сидеть дома, подле тебя, но моя тоска будет против тебя! Можешь ли ты стремиться к этому?

Эльвира. Не я, Пелегрин…

Пелегрин. А кто же? Кто может вмешиваться в любовь?

Эльвира. Ребенок.

Пелегрин. Я не могу жениться, Эльвира. Не могу.

Педро (сидя на авансцене). Якорь поднят, они говорят. Поднимается легкий вест. (Остается в прежней позе.)

Эльвира. Я остаюсь, Пелегрин.

Пелегрин. Эльвира!

Эльвира. Ты оставишь меня, если отправишься дальше.

Пелегрин. Разве не прекрасно то, что было до сих пор между нами? Безбрежные ночи под открытым небом, наши ночи, Эльвира, серебряный шорох волн, мерцание лунной дорожки и все то, чего никто не может назвать, и потом рассвет, солнце, лазурь, паруса, внезапная тишина

после бури, свирепая пена за бортом — наш день, наш безбрежный день… Разве ты раскаиваешься в том, что было?

Эльвира. Я не раскаиваюсь, Пелегрин.

Пелегрин. Разве все это не было прекрасно?

Эльвира. Было — до тех пор, пока я была девушкой… Жизнь странная вещь, Пелегрин, она совершается неустанно и отдаляет от нас счастье, которое мы еще держим в руках. Я больше не девушка.

Пелегрин. Умоляю тебя…

Эльвира. Никому не удастся то, чего он не хочет. Как ты был прав!

Пелегрин. Поедем!

Эльвира. Видишь, Пелегрин, я тоже не могу.

Он молчит.

Останься со мной, Пелегрин. Что такое Гавайские острова? Пустой звук, слово.

Пелегрин. Ты тоже не можешь…

Эльвира. И что тебе там делать, любимый? Что тебе в них, в в этих островах, затерянных где-то в Тихом океане, что тебя гонит туда? Один страх, и только. Откажись от них.

Пелегрин. Ты не едешь с нами…

Эльвира. Останься со мной, Пелегрин!

Пелегрин. И я не могу остаться. И все крепко связано одно с другим — мы любим и не можем расстаться, не предав любви, не взяв на себя вину, а если мы останемся вместе, один из нас погибнет, потому что никому не удастся то, чего он не хочет, и в этом — наша вина друг перед другом… (Бросается на колени.) Что делать нам, господи, что делать мужчине и женщине, которых бог создал друг для друга, чтобы они любили друг друга, — что им делать, чтобы избежать бессмысленного конца?!

Вновь появляется негр, протягивает корзину Пелегрину.

Негр. Свежие устрицы, господа, не желаете свежих устриц?

Пелегрин. Убирайся к дьяволу!

Негр. Совершенно свежие. Господа могут попробовать, если не верят…

Пелегрин. Тебе сказано — убирайся!

Негр. Ни одной мертвой, клянусь честью, попробуйте сами, господа, посмотрите, как они копошатся…

Пелегрин. Убирайся к дьяволу, говорю. Они адски воняют.

Негр. Как они воняют?

Пелегрин. Адски!

Негр. Да только что…

Пелегрин. Говорю тебе в последний раз — убирайся, откуда пришел!

Негр. Могу сказать, откуда я пришел. Только что я услужил приезжему аристократу, благороднейшему господину; он вот только сейчас прибыл, а уже съел двадцать устриц, сплошь мертвых, клянусь честью, а тут у меня бравые животинки, совершенно свежие.

Пелегрин. А я говорю, они воняют! (Вдруг схватывается с негром.) Они воняют, воняют…

Негр. На помощь! Спасите! На помощь!

Собирается толпа.

Зеваки. Что случилось?

— Что происходит?

— Они дерутся!

— Кончили!

— Нет еще!

— Поздно…

Негр. Он хотел задушить меня. Я позову полицию, он должен заплатить мне за все! Я позову полицию.

Пелегрин. Пойдем, Эльвира. Пойдем.

Эльвира и Пелегрин уходят. Негр поднимается, зеваки пробуют устрицы, разбросанные по мостовой. Постепенно все расходятся, остается один Педро. Появляется барон, в куртке, которую носил в

молодости. Он оглядывается кругом и замечает Педро, лежащего на авансцене.

Педро. Совершенно верно, ваша милость! Это порт Санта Крус. Ваша милость только что прибыли, как видно?

Барон. Бойкая тут жизнь.

Педро. Много шума из ничего.

Барон. Люблю бойкую жизнь. (Снимает куртку.) Ты прорицатель?

Педро. В некотором смысле.

Барон. Я так и думал.

Педро. У вас острый ум, ваша милость, он не изменяет вам даже в минуту тайного смятения — вы увидели, что я закован, и сразу поняли, что я прорицаю истину.

Барон (вежливо смеется, потом вдруг осекается). В минуту тайного смятения? Что это значит?

Педро. Кто может знать это лучше вас.

Барон. Что?

Педро. Ваша милость собираются уезжать.

Барон. Это угадал бы любой ребенок, увидев человека с поклажей да еще в порту Санта Крус. Для этого не нужно быть прорицателем. Что еще?

Педро. Да, что еще…

Барон. Мне это странно.

Педро. Вы знаете, что вас покинула женщина… Быть может, то было много лет назад, быть может, в прошлую ночь. Это не имеет значения. Женщину, которую вы любите, увез другой. Может быть, это случится еще не раз, и вы снова и снова будете стоять на этом месте, перед вами — открытое море, корабли, мачты, другая жизнь. Вот вы и стоите с бьющимся сердцем, в минуту тайного смятения. Что еще?

Барон. Да, что еще?

Педро. Вы аристократ.

Барон. Ну и что же?

Педро. Вы, например, не можете мстить женщине, объятой горем. Вы не можете быть таким эгоистом, как хотели бы. Вы не можете поступать так, как другой, которому вы всю жизнь завидуете.

Барон. Почему не могу?

Педро. Потому что никто не мог бы вести жизнь иную, чем та, которую он ведет… Вот истина, которую я вам открою: если через много лет вы вновь приедете на Санта Крус и вновь захотите отправиться путешествовать, все будет точно так же, как и сегодня. Вы аристократ, вы не можете иначе.

Барон (некоторое время неподвижен, потом пытается улыбнуться). И сколько стоит эта истина?

Педро. Много тайных слез и бессонных ночей — ничего больше…

Решительно, быстро возвращается возбужденный Пелегрин.

Пелегрин. Педро…

Барон. Желаю здравствовать.

Пелегрин. И вам того же… Мы выходим, Педро, сейчас же.

Барон. Могу я полюбопытствовать — куда?

Пелегрин. На Гавайские острова. (Педро.) Мы выходим, я говорю. Этот негр с его дурацкими устрицами позвал полицию. За устрицы я готов уплатить, но с полицией нам лучше не встречаться. У нас замазан герб, нам нужно двигаться дальше.

Педро. Понимаю.

Пелегрин. Нам нужно двигаться дальше, я не могу жениться, я не хочу болтаться на виселице! (Барону.) Прошу прощения, я, быть может, недостаточно вежлив…

Барон. О, ведь вы торопитесь.

Пелегрин. Гавайи… Знаете, что это такое? Что это значит?

Барон. Это острова.

Пелегрин. Да, и это тоже.

Барон. Очень далеко отсюда…

Пелегрин. Чем дальше, тем лучше!

Барон. Я думаю точно так же.

Пелегрин. Гавайи… (Барону, так, словно тот сказал, что в Гавайских островах нет ничего особенного.) Слышите, вы, там цветут цитрусы, ананасы, персики, финики, фиги, бананы — все вместе! Там не бывает зимы…

Барон. Не бывает зимы.

Пелегрин. Ни малейшего намека на зиму. Один мой знакомый, матрос, был на Гавайях. Он забыл там свою дубинку, оставил по рассеянности. Он опирался на нее, когда увидел одну гавайскую девушку… Гавайские девушки — вы о них слышали? Так вот, он пошел за ней, забыв о палке. Через год он снова вернулся туда… И что бы вы думали? Палка, которую он воткнул в землю и забыл, старая голландская палка… зацвела!

Барон. Зацвела?

Пелегрин. Вот вам Гавайи!

Барон. И вы хотите туда?

Пелегрин. Хотите сказать, что в Гавайях нет ничего особенного? (Подает ему руку.) Прощайте!

Барон. Я хотел бы только спросить…

Пелегрин. Как меня зовут? Меня никак не зовут.

Барон. Не могли бы вы взять меня с собой? Я заплачу.

Пелегрин. Это вы из-за палки?

Барон. Возьмете?

Пелегрин. Вы серьезно?

Барон. Это — желание мужчины, у которого не осталось других желаний.

Пелегрин. Понимаю…

Барон. Вы не решаетесь.

Пелегрин. Путь, знаете ли, нелегок.

Барон. Прекрасно! Главное — это сам путь.

Пелегрин. Мило сказано, очень; но нас, может статься, схватят французы. Французы — это такие сухопутные чудаки; они ищут некий корабль, пропавший в Марокко при совершенно загадочных обстоятельствах… И потом, знаете ли, штормы, мы ведь должны обогнуть Африку. Жара, жажда, муссоны, лихорадка, пираты…

Барон. Я считаю себя мужчиной.

Пелегрин. К тому же вы платите. Итак, по рукам.

Пожимают друг другу руки.

Пелегрин. Через пятнадцать минут мы выходим. Видите тот корабль с красным вымпелом? Через пятнадцать минут мы выходим, друг мой, и мы не будем ждать… (Вместо приветствия.) Гавайи! (Уходит.)

В этот самый момент с другой стороны вновь появляются уличные зеваки, среди которых негр и полицейский; тут же слуга барона.

Негр. Вот здесь он меня и задушил.

Полицейский. Ну, это ты преувеличиваешь.

Негр. А здесь, клянусь, здесь он выбросил на мостовую всех моих устриц.

Полицейский. Тоже что-то не видно.

Негр. Негру нужно верить, ты!

Полицейский. Оставим негритянский вопрос… Пошли в дом, куда он скрылся.

Все входят в дом, кроме барона и его слуги Килиана — такого, каким он мог быть семнадцать лет назад.

Слуга. Это тоже?

Барон. Все, я сказал. Через пятнадцать минут все должно быть внизу.

Слуга. Через пятнадцать минут?

Барон. Ты понял, Килиан, корабль с красным вымпелом…

Слуга. Такой грязный, ваша милость? (Ставит чемоданы вместе.) Ваша милость, я не переношу моря. На картинках — пожалуйста. Оно красивого цвета, но по большей части воняет… Я представлял себе все иначе, ваша милость, я думал, буду служить в замке. Ведь так и значилось в контракте. Что я буду подавать на стол, раздвигать портьеры, приносить свечи, подкладывать дрова в камин. Я так и думал…

Барон. Вперед, Килиан, вперед!

Слуга. И в саду я мог бы работать, ваша милость. Представляю, как я пригодился бы в замке!

Барон. Дорогой мой, а я представляю себе все иначе…

Слуга. У нас был бы такой красивый замок, ваша милость! (Берегся за чемоданы.) Корабль с грязным вымпелом, вы говорите? (Уходит.)

Негр и полицейский выходят из дома.

Негр. Поймали!

Полицейский. Мне очень жаль, милая барышня, что ваш кавалер проходимец, который готов скорее бросить свою девушку и улизнуть, чем заплатить за устриц. Мне очень жаль…

Негр. Негру тоже нужно верить, барышня. (Полицейскому.) Он сказал, они воняют, воняют, воняют…

В дверях появляется и останавливается Эльвира.

Барон. Эльвира, ты?

Негр. Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!

Полицейский. Заткни свою белую глотку!

Барон. Полицейский…

Полицейский. Да, ваша милость?

Барон. Что произошло?

Негр. Я негр…

Полицейский. Не говори того, что и так всем видно. Этого беднягу хотели удавить, но не удалось.

Негр. Этот господин сам покупал мои устрицы, и я спрошу его, какими они были — свежими или нет?

Полицейский. Это не имеет значения, ваша милость. Его устрицы были выброшены на мостовую — вот факт. А негритянский вопрос тоже не имеет значения…

Барон. Я заплачу за них.

Полицейский. В этом нет необходимости, ваша милость, у нас есть залог, этого достаточно…

Барон. А девушку оставьте в покое. (Платит.)

Негр. Хитрый господин.

Полицейский. Поблагодари!

Негр. Я?

Полицейский. Где твоя вежливость?

Негр. Господин, я не бросал устриц на мостовую. (Осклабясь.) Хитрый господин — платит за устриц, а покупает девушку. (Уходит вместе с полицейским.)

Барон. Итак, нам суждено было встретиться здесь.

Эльвира. Да, это печально.

Барон. Как видишь, Эльвира, я уезжаю.

Эльвира. Куда?

Барон. На Гавайские острова…

Эльвира. Я даже не смела надеяться, что мы опять встретимся. И все-таки всегда думала о том, как это будет! Меня все время мучил стыд, хотя вины моей нет никакой, но меня все-таки мучил стыд.

Барон. Женщина никогда не бывает виноватой, я знаю. Уж хотя бы то, что она бездействует, говорит в ее пользу.

Эльвира. Как мне понятна горечь твоих слов! И как мне жаль, что я кажусь тебе такой…

Барон. Благодарю за сочувствие.

Эльвира. Ты не заслужил этого, мой верный друг!

Барон. И все-таки я уеду.

Эльвира. Я не смогу тебя удержать, я знаю. Для этого не хватит никакой любви. Да и как ты можешь поверить, что я люблю тебя? А я никогда тебя не забывала… (Закрывает лицо руками.) О, как все это ужасно!

Барон. Что делать, Эльвира.

Эльвира. Друг мой, как все могло быть прекрасно! Когда отец рассказывал о твоем замке, меня охватывало какое-то странное чувство. Чем, говорила я, чем я заслужила такую честь? Отец смеялся и говорил: тем, что ты красива, Эльвира… И вот теперь какое несчастье обрушилось на меня; все, что могло быть так прекрасно, разбито вдребезги, так что я должна быть благодарна за случайную милость, выкупившую меня у негра.

Барон. Ты не должна так говорить, Эльвира.

Эльвира. Должна благодарить, мой друг, за горькую печаль, что мне дано вновь увидеть тебя. Любые страдания были бы слишком низкой платой за это.

Слуга возвращается за оставшимися чемоданами.

Слуга. Они поднимают якорь, ваша милость… (Уходит с чемоданами.)

Эльвира. Ты должен меня покинуть, понимаю. После того, что случилось, я это понимаю прекрасно.

Барон. А как же ты?

Эльвира. Это твое святое право. Я не могу сердиться на тебя…

Барон. А как же ты?

Эльвира. Не думай об этом.

Барон. Эльвира!

Эльвира. Твой слуга сказал, они поднимают якорь…

Барон. Что будет с тобой, скажи!

Эльвира. Я сказала — прощай!

Барон. А ты? Ты?

Эльвира. Они поднимают якорь. Слышишь? Я чувствую это так, словно все происходит во мне самой — вот они поднимают якорь, отталкиваются длинными шестами, крутят со скрипом штурвал, распускают паруса… У меня кружится голова. Я не хочу, чтобы ты потом раскаивался, что остался со мной, ты не должен делать этого из жалости, из благородства… Что со мной будет? Я буду ждать тебя. Быть может, ты вернешься снова. А что еще делать мне с моей любовью, кроме того, как ждать, смотреть тебе вслед, вслед твоему вымпелу, смотреть, как он исчезнет на горизонте, и все-таки надеяться, и все-таки любить тебя!..

Барон. О ком ты говоришь?

Эльвира. О ком? О тебе… (Теряет сознание, так что он вынужден поддержать ее.)

Слуга (появляясь). Ваша милость?!

Барон. Молчи!

Слуга. Ваша милость, они уходят…

Барон. Знаю.

Они стоят неподвижно, в то время как Педро подходит к рампе — он уже не закован, — и размахивает кандалами.

Педро. Примерно так все тогда и было, примерно так… Они удалились в свой замок — барон и Эльвира. Он аристократ, я ведь говорил, он не может иначе. У них родился ребенок. И так далее. Тот, другой, обогнул Африку, на Мадагаскаре его схватили французы. Это сулило ему галеры, а у него была лихорадка, больничная сестра дала ему кровь… Все это мы уже знаем. Осталась последняя картина: в этот же день семнадцать лет спустя. То есть мы знаем и это — последняя ночь в жизни Пелегрина.

АКТ ПЯТЫЙ

В замке.

Пелегрин стоит у окна, все еще щелкая орехи, как в конце третьего акта. Эльвира сидит в кресле. Горят свечи.

Пелегрин. Через час наступит рассвет.

Эльвира. Я спрашиваю тебя еще раз, Пелегрин, что ты рассказал барону? Вы пили с ним до глубокой ночи, как мне передали…

Пелегрин. Пили?

Эльвира. Ты рассказал ему о том, что тогда было между нами? Семнадцать лет назад. Мужчины любят рассказывать об этом!

Пелегрин. Мужчины любят рассказывать об этом… Откуда ты знаешь? Не верь всему, что пишут в книгах, Эльвира.

Эльвира. Умоляю тебя, Пелегрин, что ты ему сказал?

Пелегрин. О нас, ты имеешь в виду?

Эльвира. О нас.

Пелегрин. Ни слова.

Эльвира. Ни слова?

Пелегрин. Я не мог знать, что барону все это неизвестно. Откровенно говоря, я даже не подумал, что из этого может получиться… (Запускает руку в карман.) Замечательные у вас тут орехи!

Эльвира. Не знаю, что и думать. Об этой ночи. Что же произошло?

Пелегрин. Я рассказал ему о Гавайях…

Эльвира. О Гавайях?

Входит слуга.

Ну и?

Пелегрин. Сам он почти ничего не говорил.

Эльвира. Ну и?..

Слуга. Мы были на конюшне, ваша милость. Как вы приказали.

Эльвира. Ну и?..

Слуга. Исчезли две лошади. Росинант и Казанова. Сани тоже.

Эльвира. Это уже не сон.

Слуга. Барон уехал, ваша милость.

Эльвира. Уехал?..

Слуга. Да.

Эльвира. Среди ночи? В такую пургу?

Слуга. Очевидно, ваша милость.

Эльвира. Какое безумие… Кто запряг ему лошадей, хотела бы я знать! Ночью! Разбуди людей, спроси. И пришли сюда этого болвана!

Слуга. Называйте меня как хотите, ваша милость, но это был я.

Эльвира. Ты сам?

Слуга. По приказу господина барона.

Эльвира. И теперь, когда нам дорог каждый миг, чтобы догнать его, теперь ты отправляешься на конюшню посмотреть, на месте ли лошади, которых ты сам запряг?

Слуга. Ваша милость так приказали.

Эльвира. Великий боже, что все это значит?

Слуга. Ваша милость не хотели мне верить.

Эльвира. Уехал, ты говоришь? Куда?

Слуга. Этого господин барон не сказал.

Эльвира. Что же он сказал?

Слуга. Он сказал примерно так…

Эльвира. Вспомни точно!

Слуга. "Тихо! — сказал он. — Не разбуди госпожу, мне кажется, она видит приятный сон".

Эльвира. Что он еще сказал?

Слуга. "Килиан, — сказал он, — подержи мне пальто…".

Эльвира. А еще?

Слуга. "Килиан, ты не понимаешь, что такое жизнь, ты не понимал этого никогда, а жизнь — это движение, жизнь — это великий сон".

Эльвира. Еще?

Слуга. Это все.

Короткое молчание.

Эльвира. Пусть оседлают другую лошадь, мою собственную. Быстро! Пусть скачут за бароном, пока не узнают, что все это значит. Пусть гонят лошадь изо всех сил, я заплачу так, что их внуки будут помнить об этой щедрости.

Слуга. Как прикажете, ваша милость.

Эльвира. Я буду ждать здесь.

Слуга уходит.

Мой добрый, мой славный муж! Только б с ним ничего не случилось!

Пелегрин. Через час наступит рассвет.

Эльвира. Он уехал в пургу, в этот снежный потоп. Три дня назад вдоль дороги наставили палок, а уже вчера их совсем не было видно! Уехать в пургу — какое безумие!.. (Останавливается.) Зачем ты это сделал?

Пелегрин поворачивается к ней.

Да, ты!

Пелегрин. Что я сделал?

Эльвира. Зачем ты пришел? Чего ты вообще хочешь?

Пелегрин. Меня пригласили.

Эльвира. Наш брак счастлив, Пелегрин, счастлив, сколько бы ты ни смеялся над браком…

Пелегрин. Разве я смеюсь?

Эльвира. Брак — это чудо! Могла ли я думать семнадцать лет назад, когда мы поженились, что я буду так любить его! Для этого нужно знать друг друга долго, так как мы, и без всякой влюбленности. Он — человек, которого я вряд ли заслуживаю! (Улыбаясь.) Иногда, когда я не вижу его, он мне кажется господом богом — на него можно так же положиться, как на бога. В прошлом году я десять недель лежала в лихорадке, а потом, когда встала, сразу вспомнила о попугае. Я совсем забыла о нем, но он был жив, муж кормил его десять недель, хотя как он его ненавидит! Он такой во всем…

Пелегрин ест орехи и кивает головой.

Что бы он ни делал, я знаю — он делает ради меня. И это ужасно… Вот теперь, уехав в пургу, он, вероятно, думает, что делает мне услугу, что я хочу остаться с тобой. Добрый! Он не знает, что теперь ты для меня ничего не значишь…

Снова появляется слуга.

Что случилось?

Слуга. Ваша милость…

Эльвира. Он вернулся? Ради бога!..

Слуга. Ваша милость, я принес новые свечи. (Ставит свечи и уходит.)

Пелегрин. Ты спросила, чего я хочу? (Отходит от окна.) Я сидел в трактире, да, уже с неделю тому, и случайно узнал, кто живет в этом замке. Случая могло и не быть, я бы мог не узнать этого, и мы б никогда больше не увиделись на этой земле. Еще сотня шагов — и мы прошли бы мимо друг друга, ты и я, мимо друг друга — и в ночь…

Эльвира молчит.

Пелегрин. Завтра я уеду.

Эльвира молчит.

В одной точке пространства и времени, здесь и теперь, сходятся два человека — мне это показалось таким чудом… И только. Я взял гитару, не знаю, чего я хотел, то была музыка…

Эльвира. Ты хотел нанести мне визит, не так ли?

Пелегрин. Ну пусть так, если хочешь.

Эльвира. А зачем? (С издевкой.) Затем, что мы любили друг друга? Когда-то.

Пелегрин. Я тоже думаю, что когда-то мы любили друг друга.

Эльвира. И вот, оказавшись поблизости, ты захотел узнать, сколько от всего этого осталось? Понимаю.

Пелегрин молча смотрит на нее.

Или ты хотел мимоходом удостовериться, знает ли Эльвира, чего ты достиг — без нее? Объездил весь свет! Я в курсе дела, меня ввела в него горничная.

Пелегрин молча смотрит на нее.

Или ты хотел узнать, могу ли я быть счастливой после того, как ты семнадцать лет назад поступил со мной подло?

Пелегрин. Это не так.

Эльвира. Да, я счастлива, Пелегрин. Счастлива. Чего ты хочешь еще? Дать тебе в этом расписку, чтобы ты мог уехать отсюда со спокойной душой?

Пелегрин. Без расписки, то есть без твоего предложения дать расписку, я бы в это поверил.

Эльвира. Когда-то, много лет назад, ты написал мне, кажется, с Явы.

Пелегрин. Из Кореи.

Эльвира. И ты ведь знал, каково мне было держать в руках эту открытку, добродушно-шутливую писанину после стольких лет?

Пелегрин. Если б мы знали, каково адресату получать наши письма, вряд ли мы стали бы писать их, Эльвира! Тут волшебная сила письма — его смелость…

Эльвира. Меня мучил стыд, что когда-то я могла любить человека, написавшего такие каракули. Мне было противно, понимаешь?

Пелегрин. Честно говоря, нет.

Эльвира. Мне было противно. С каждым годом все больше. Мне было противно, что ты такой трус. На том нелепом клочке бумаги ты писал, что желаешь мне хорошего, верного мужа…

Пелегрин. С моей стороны это было серьезно.

Эльвира. Да, чтобы самому сбежать к заблудшим и пропащим, туда, где не гниют, не стареют, не умирают! Вот в чем все дело. Ты не хотел жениться, чтобы моя тоска осталась с тобой. О, то была беспримерная хитрость. Ты желал большего, чем спать с женщиной, ты хотел войти в ее сны!.. А действительную близость, расходующуюся и пустеющую в тысячах привычных поцелуев, повседневность и будни ты оставил другому, доброму, верному мужу, которого ты мне желал… Зачем? Затем, чтоб у меня никогда больше не было любимых, чтоб я была связана супружеской верностью, не было ни одного, кроме того единственного в прошлом, кроме тебя!

Пелегрин улыбается.

Разве не так?

Пелегрин. Признаться, так глубоко я об этом никогда не думал.

Эльвира. Попытайся, и ты доберешься в конце концов до подлости, лицемерия в любви, трусости перед действительной жизнью, для которой у тебя недоставало мужества; его у тебя никогда не было, ни разу — и с другими женщинами тоже, я ведь знаю, что была у тебя не единственной!..

Пелегрин. Эльвира!

Эльвира. Ты будешь это отрицать?

Пелегрин. Что ты была не единственной, Эльвира, — это само собой разумеется.

Эльвира. Понимаю.

Пелегрин. Но ты, быть может, единственная, которая это понимает.

Эльвира. Понимаю, неверность льстит мужчине, это что-то вроде украшения, безделушки — не больше, приключения придают некий блеск, как и лишения, которыми вы так гордитесь… (Не выдержав.) Зачем ты приехал, Пелегрин?! Я ничего не понимаю, ничего! Скажи мне, зачем? Через семнадцать лет! Чего ты хочешь от меня?

Он молчит.

Грызть орехи? Листать книги?

Пелегрин. А почему бы и нет…

Эльвира. А почему бы и нет…

Пелегрин. Я люблю книги, которых не читал.

Эльвира. Ты приехал, чтобы узнать, люблю ли я тебя еще? Страдаю ли? Жду ли?

Пелегрин листает книгу.

Или ты хотел убедиться, что я тебя ненавижу, что я вижу тебя насквозь, что я презираю тебя?

Пелегрин листает книгу.

Зачем ты приехал? Чтобы еще раз повздыхать над прошлым и все простить друг другу, благосклонно и нежно, улыбнуться, пошутить о пролитых слезах, и только — ведь то был лишь эпизод в жизни мужчины, меланхолия воспоминаний выкроит из него еще эпизодик, это, так сказать, проценты с былого блаженства, визит мимоходом, прочувствованный вечер с вином и орехами…

Он листает книгу.

Ты молчишь.

Пелегрин. Ты не великодушна, Эльвира… Тем, что принуждаешь меня говорить. Лгать. Объяснять себя самого! Я приехал за тем-то и тем-то. Как будто я сам это знаю. Ты хочешь услышать от меня слово, чтобы сразу меня обвинить и от меня освободиться… Не знаю, почему ты боишься своего собственного сердца, Эльвира.

Эльвира. Я боюсь?

Пелегрин. Кто может с точностью знать, как все было? Знаешь ли ты или я в этот час нашего ночного бдения полную правду? (Берет другую

книгу.) Если б мы помолчали, хотя бы час, вот так, как сидим! И только… Ты взяла бы книгу или вязанье, я бы смотрел иллюстрации, бабочек, эти растения. Melaleuca folia[1], например… а потом, потом бы уехал.

Эльвира. А потом?

Пелегрин. Навсегда, я хотел сказать.

Эльвира. А потом?

Пелегрин. Потом вокруг нас снова была бы жизнь. (Садится за клавикорды.) В Гонолулу я встретил одного старого капитана, у которого оставалась одна возлюбленная — астрономия. Выше этого для него ничего не было. Мы всегда смеялись над ним, потому что ничто другое его не интересовало. С тех пор как он обнаружил в каюте какую-то толстенную книгу, все остальное стало вдруг пустяком. Вероятно, то была первая книга, которую он читал в своей жизни, и как читал! Он приходил в кабак, где мы танцевали с негритянками, и рассказывал о Млечном Пути так, словно он был создан только вчера… (Берет с тарелки апельсин.) Когда мы садились к нему за столик, он брал такой апельсин. Вот, говорил он, луна. И не терпел улыбок! Вон тот глобус — земля. А это луна. Между ними было семь шагов, я точно помню. А что посредине, спрашивал он, что посредине? Даже не воздух, не свет — ничего! Ничего, кроме ночи, вселенной, смерти, ничего, что бы заслуживало названия, просто ничего!

Эльвира. Кто это говорил?

Пелегрин. Капитан из Гонолулу… "Предположим, — говорил он, — у меня есть сестра, она осталась в Европе, славная, милая девушка, предположим, она стоит на базаре в Барселоне и в эту минуту держит в руках… ну что бы… арбуз; вот вам одна звезда, арбуз в Барселоне — другая, а что посередине? говорил он. — Ничего, кроме ночи, вселенной, смерти. Так велико, друзья мои, так велико ничто, так редко

встречается жизнь, теплота, разумное бытие, горячий огонек. Так редко то, что есть". (Чистит апельсин.) Я не собираюсь спорить, верно ли все это. Он был большой чудак. Но я бы не мог очистить апельсин, не думая о нем.

Эльвира. Зачем ты рассказал мне все это?

Пелегрин. Так. Мне подумалось… а что если б нам еще раз очистить вдвоем апельсин, Эльвира, может быть, еще раз вокруг нас была бы жизнь…

Эльвира (прислушивается). Кажется, колокольчик?

Ничего не слышно.

Пелегрин. Из того, что ты говорила сегодня ночью, я вынес только, что ты умна.

Эльвира. А женщина не должна быть умной!

Пелегрин. У тебя есть тайны, которые сторожит рассудок; он тебе очень нужен, поэтому он так остр.

Эльвира. Ты приехал выболтать мне мои собственные тайны?

Пелегрин. Какое мне дело до них…

Эльвира. Ах да, ты ведь не хочешь знать, зачем ты приехал!

Пелегрин. Разве так уж невозможно, Эльвира, что я вообще ничего больше не хочу?

Эльвира. И все-таки ты приехал.

Пелегрин. И все-таки я приехал… (Ест апельсин.) В воображении моем все было правильно, даже красиво. Мы не вправе, думал я, судить друг друга. Ты можешь считать меня подлецом — бог примет меня соответствующим образом, если это так. Я в свою очередь думаю, как сейчас невеликодушна женщина. Бог, если он думает так же, примет в соответствии с этим тебя… Что бы там ни было, думал я, жизнь свела нас, и мы любили друг друга — каждый по-своему, по своему возрасту, по возможностям своего пола. И оба мы еще живы: здесь и теперь, в это мгновение… Почему бы, подумал я, нам не поприветствовать друг друга?

Эльвира. Но зачем мы должны были это сделать?

Пелегрин. Жизнь так коротка.

Эльвира. Ты думал, что можно вновь увезти меня?

Пелегрин. Зачем?

Эльвира. Еще один эпизод в жизни мужчины…

Пелегрин трогает клавиши — как ребенок, который хочет и не умеет играть. В дверях появляется Виола. Она в ночной рубашке.

Ради бога!.. Детка, зачем ты пришла сюда?

Виола. Я не могу заснуть.

Эльвира. В такое время!

Виола. Мне так страшно, мама…

Эльвира. Но почему?

Виола. Мне снятся такие страшные сны…

Эльвира. Дитя мое!

Виола. В нашем доме смерть, мама. (Смотрит на мать, потом пугается собственных слов, плачет.)

Эльвира (поддерживает ее). Пойдем, Виола, пойдем! Не бойся, ты испугалась во сне. И только. Не плачь. Выпей горячего чаю. Я принесу тебе плед… Килиан! (Уходит.)

Пелегрин (пытается играть). Наступает рассвет.

Виола молчит.

Но нужно бояться, дитя мое, совсем не нужно. В этом нет ничего ужасного, я знаю.

Виола молчит.

Пелегрин. Вы умеете играть? Если б я жил еще раз, я обязательно бы научился. По-моему, это прекрасно.

Виола. О да.

Пелегрин. И рисовать тоже.

Виола. О да, и многое еще…

Пелегрин. Очень многое…

Виола молчит.

Представь себе раковину, каких не бывает на самом деле, о каких можно только мечтать— так она красива. Можно объездить все морские побережья, вскрыть тысячи, сотни тысяч раковин, и ни одна из них не будет такой же красивой, как та, о которой можно только мечтать, ни одна не будет красива так, как ты, — говорил я девушкам, которых любил… Видит бог, это было серьезно, и девушки мне верили, как верил в это я сам. Но девушки исчезают, становятся женщинами, и женщины в свой черед исчезают тоже — остается лишь раковина, какой не бывает на самом деле, раковина, о которой можно только мечтать…

Звон колокольчиков.

Скажи мне, сколько тебе лет, дитя мое?

Виола. Мне? Семнадцать.

Пелегрин. Семнадцать?

Виола. Почему вы так смотрите на меня?

Звон колокольчиков.

Пелегрин. Это он, я думаю. Это он!

Виола. Кто?

Пелегрин. Барон, ваш отец… Мы знаем друг друга семнадцать лет — ваш отец и я. Тогда он тоже хотел на Гавайские острова, как и сегодня.

Виола. Мой отец?

Пелегрин. Он аристократ.

Виола. А почему он не уехал?

Пелегрин. Потому что его ждала дочь — тогда, как и сегодня… Это он, я думаю. Идите встречать его.

Виола подчиняется, медленно идет к дверям, глядя на Пелегрина.

(Тоже смотрит ей вслед, пока она не исчезает в темноте дверного проема.) Или — или; это, кажется, неизбежно. Одному — море, другому — замок; одному — Гавайские острова, другому — ребенок…

Возвращается Эльвира. С ней писарь.

Эльвира. Какое письмо? Дай сюда!

Писарь. Ваша милость…

Эльвира. Это тебя посылали за бароном?

Писарь. Ваша милость простят мой вид. Я прямо с постели, меня будят уже второй раз за ночь…

Эльвира. Что это за письмо?

Писарь. Барон, наш господин, написали его сегодня ночью, велев, чтобы я подал его к завтраку.

Эльвира. К завтраку?

Писарь. А Килиан говорит, можно и теперь, раз ваша милость уже встали…

Эльвира читает письмо.

Кажется, шаги… Ваша милость, барон, вероятно, уже вернулся… (Не получив ответа, уходит.)

Эльвира. Вот оно как!.. Он хочет снова жить, мочь, плакать, смеяться, любить, испытывать трепет в душной ночи, ликовать, пока нас навсегда не засыпало снегом… Почему мы не были честнее? (Она не видит лица Пелегрина, которое неподвижно и бледно, как восковая маска.) О Пелегрин! Не верь тому, что я говорила этой ночью, ни одному слову… Я назвала тебя подлецом, потому что мне казалось подлостью, что ты мне снился в течение семнадцати лет… Теперь я могу сказать, Пелегрин, — ты правильно сделал, что приехал…

В дверях стоит барон.

Почему мы не были честнее?

Барон. Я хотел уехать.

Эльвира. Я знаю.

Барон. Но это невозможно… А ты?

Эльвира. Я ждала тебя. И видела сны…

Барон. Я знаю.

Эльвира. А когда проснулась, то стала искать тебя по всему дому, но тщетно. Здесь я нашла Пелегрина. Я издевалась над ним — ради тебя.

Барон. Ради меня?

Эльвира. Во имя верности. Семнадцать лет я думала, что должна лгать, чтобы сохранить тебе верность — такому, каким я тебя представляла. И вот теперь я прочла твое письмо.

Барон. Уже прочла?

Эльвира. Почему мы не были честнее? Не хватало такой малости. Как бы мы поняли друг друга! Ты на многие годы похоронил свою тоску, как ты пишешь, чтобы она не пугала меня, а я многие годы стыдилась своих снов, ибо знала, что они напугают тебя. Ни один не хотел огорчать другого. Маленькая комедия, которую мы играли долгие-долгие годы, пока не пришел Пелегрин. (Кричит, увидев мертвого.) Пелегрин?

Барон. Теперь я понимаю…

Эльвира. Почему ты улыбаешься?

Барон. Теперь я понимаю, что он мне сказал этой ночью. Он сказал это так легко, я не мог и подумать, что это серьезно.

Эльвира. Пелегрин…

Барон. Он это знал.

Эльвира. Почему ты скрывал от меня все это, друг мой? Не смейся, мы все поступили несправедливо, все. Бог не хотел этого… Мы могли любить друг друга, мы все, теперь я вижу — жизнь совсем не такая, любовь больше, чем я думала, верность — глубже, ей нечего бояться наших снов, нам не нужно хоронить тоску, не нужно лгать… О Пелегрин! Ты меня слышишь? Мы очистим вдвоем апельсин, слышишь, и еще раз вокруг нас будет жизнь… Не улыбайся так!

Барон. Эльвира…

Эльвира. Почему я не услышала этого в твоих словах, почему?

Барон. Не плачь, Эльвира. В том, что он сказал, нет ничего страшного я не раскаиваюсь ни в чем и ничего не хочу повторять… Он сказал это так легко.

Часть комнаты с Эльвирой и бароном, который ее поддерживает, как когда-то, когда ее оставил Пелегрин, погружается в темноту.

Раздается музыка, Пелегрина окружают фигуры.

Первая. Я принесла первый кофе с Кубы.

Вторая. Я Анатолия, девушка, которой ты ни разу не коснулся.

Третья. Я принесла тебе фрукты — ананасы, персики, инжир, виноград, это урожай следующего, наступающего года.

Четвертая. Я сестра, которая дала тебе кровь в больнице на Мадагаскаре.

Пятая. Я принесла тебе книги — Софокл, Вергилий, Конфуций, Сервантес, Байрон и все, что ты хотел прочитать, — чудесные соты со следами воска на страницах, на которых оседает разум столетий.

Шестая. Я капитан из Гонолулу, который бог весть почему еще трижды вспомнит о тебе.

Седьмая. Я принесла тебе вино, которое ты пролил.

Восьмая. Я мать, которую ты не видел, Пелегрин, я умерла, дав тебе жизнь.

Девятая. Я смерть.

Пелегрин. Знаю…

Последняя. Я твоя плоть, твой ребенок, Виола, которой суждено все узнать снова и все снова начать.